

ЗНАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

7 '85

А. М. Малышева

ИГРА СЛОВОМ

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

Народный университет. Педагогический факультет
№ 7, 1985. Издается ежемесячно с 1964 г.

Л. М. Малышева

ИГРА СЛОВОМ

Издательство «Знание» Москва 1985

ББК 74.90

М 20

МАЛЫШЕВА Любовь Михайловна — кандидат филологических наук, автор книг и статей по проблемам эстетического воспитания.

Рецензент: Солганик Г. Я., доктор филологических наук.

Малышева Л. М.

М 20 Игра словом. — М.: Знание, 1985. — 80 с. — (Нар. ун-т. Пед. фак.; № 7).

15 к.

Стихийное чувство слова есть у большинства детей дошкольного возраста. Но это детское чувство с годами может заглухнуть, если не развивать у детей с самых младенческих лет интереса к поэзии, не формировать их эстетический вкус. Игра словом с детьми вовсе не должна замыкаться только на освоении поэзии. Есть множество интересных игр, не требующих ни специальных условий, ни сложной подготовки. Играя в слова, ребенок начинает активно осваивать лексический состав языка, приучается работать со словом, легко усваивает нормы правописания.

Для родителей, слушателей и преподавателей народных университетов.

4303000000

ББК 74.90
371.

ВВЕДЕНИЕ

Вероятно, каждый человек испытает немалые трудности, если ему предложат ответить на вопрос, что самое главное в семейном или школьном воспитании. Затруднятся, пожалуй, не только родители, не очень искушенные в теории педагогики, но и специалисты, а может быть, даже корифеи педагогической науки. В самом деле: как выделить что-то одно? Воспитание процесс не только сложный, но и многоликий, многосодержательный, многообразный. Нельзя, скажем, закаляя ребенка, заботясь о его физическом здоровье, упустить здоровье духовное, нравственные критерии. Но и другая опасность не менее чревата последствиями: усердно воспитывая душу и интеллект ребенка, снисходительно или безразлично относиться к его физическому развитию. Надо, просто необходимо приучать детей к труду, к полезной и радостной деятельности, но нельзя забыть о том, что радостный труд непременно должен сочетаться с таким же радостным отдыхом. И так далее, и так далее...

Однако, размышляя над проблемами воспитания, мы почти невольно пытаемся их как-то разделить, обозначить каждую особо — может быть, для того, чтобы в конце концов яснее нам самим стала необходимость их единства, их живой связи и взаимодействия. И тогда оказывается, что многие на первый взгляд частные вопросы вовсе не так уж второстепенны и незначительны.

Тема предлагаемой читателю книжки очень конкретна и, вероятно, представляет собой лишь частный, довольно узкий и, может быть, не самый глобальный вопрос педагогики. Эта тема — игра словом и те возможности в развитии ребенка, которые она открывает. Автор понимает, что предлагаемая тема не претендует даже на комплексный подход к «воспитанию словом», как называл это С. Маршак, а приоткрывает лишь одну сторону этого воспитания. Но думается, что и эта сторона существенна, полезна и, главное, увлекательна для тех, кто всерьез озабочен необходимостью раскрыть в ребенке

творческие начала, воспитать чувство юмора, развить не только его речь, но и мысль, разум, душу. Но ведь великое начинается с малого, и путь к постижению нравственных истин неизбежно пролегает через слово, его восприятие, его понимание, отзывчивость на него. Хотелось бы надеяться, что хоть в малой степени сегодняшняя тема приобщит читателя к одному из возможных поисков этого пути.

«ЛЮБЛЮ ОБЫЧНЫЕ СЛОВА...»

Что такое слово? Странный вопрос, не правда ли? Кто же этого не знает? Бесспорно, все знают, но оказывается, что ответить на этот вопрос сразу, не раздумывая, многим довольно трудно. Люди взрослые, к которым я обращалась с таким вопросом, сразу предполагали какой-то подвох, порой изощрялись в остроумии или глубокомыслии типа: «Слово — это нематериальный продукт высокоорганизованной материи». Те, кто сравнительно недавно занимался лексикой или просто по профессиональной принадлежности был близок к лингвистике, без запинки отвечали: «Единица речи». И они, эти специалисты, были абсолютно правы и предельно близки к научному определению слова, которое (в его первом и основном значении) дают толковые словари. В словаре С. И. Ожегова, например, читаем: «Слово — единица речи, служащая для выражения отдельного понятия». Точно, кратко и вполне исчерпывающе.

А потом мне пришло в голову задать этот вопрос детям. Они, без сомнения, понимают, что это такое, но вот смогут ли выразить? Результаты оказались для меня совершенно ошеломительными. Я записала их буквально. Тринадцатилетняя Настя сказала так: «Слово — это составная часть нашей речи, то, чем мы выражаем свою мысль. Если их несколько, то мысль закончена». Одиннадцатилетний Миша, ни секунды не раздумывая, выпалил (я едва успела записать): «Слово — это то, что говорит человек, это произносимый им ряд звуков, который имеет осмысленное значение». А десятилетняя Танюша, несколько нарушив традиционную синтаксическую структуру определения, ответила на мой вопрос: «В словах мы выражаем то, что думаем. Без слов не было бы языка. Слово — это речь, сложенная из букв, со смыслом».

В общем, ответы детей на мой странный вопрос оказались созвуч-

ными друг другу. И, надо сказать, довольно точными. Честно говоря, я не предполагала, что мои юные собеседники так быстро сориентируются. Мне казалось, что они выразят недоумение, будут подыскивать формулировки, запинаться, но ничего этого не произошло. Правда, не произошло и другого: никто из детей не отнесся к предложенному вопросу эмоционально, никто не задумался (может быть, некогда было?) над высотой предназначения слова. Дети вложили в свои определения всю ту сумму лингвистических понятий, которыми они располагали. А я-то, грешным делом, надеялась на то, что вдруг именно они, а не взрослые скептики окажутся ближе в своих толкованиях не к академическим словарям русского языка, а к «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля. Вот как толкует слово Владимир Иванович Даль: «Исключительная способность человека выражать гласно мысли и чувства свои; дар говорить, сообщаться разумно сочетаемыми звуками, словесная речь».

В определении Даля резко заметна та эмоциональная окраска, которая вообще-то не свойственна словарям и другой - справочной литературе. Эта окраска явственно ощутима и в выражении «исключительная способность человека», и в инверсии «мысли и чувства свои», создающей высокий поэтический строй речи, более привычный в художественном произведении. Но, может быть, это не странно? Подвиг, совершенный Далем, подвиг целой жизни, итогом которой и явился знаменитый Словарь, не знающий себе подобных, — такой подвиг мог быть совершен только человеком, страстно влюбленным в слово как таковое, человеком, для которого слово не только и не просто единица речи, а именно и в первую очередь исключительная способность человека.

Но к капитальному труду Владимира Ивановича Даля в дальнейших размышлениях нам вряд ли придется возвращаться. Разгадавший смысл и значение многих и многих слов, Даль многократно останавливался, трепетно замирал перед загадкой слова, и этот трепет оживлял страницы его уникального труда. В преклонении перед словом Даль сближался с великими поэтами и философами всех времен и сам становился поэтом.

Если же говорить о поэзии, в том числе об ее прямом тематическом содержании, то нельзя не заметить удивительную закономер-

пость: нет ни одного поэта, который не задумывался бы над загадкой слова. Чистые лирики и народные трибуны, полемисты и философы, пейзажисты и сатирики, мастера больших и малых жанров, представители разных национальных культур — решительно все сходятся в этой теме. Почти всегда это связано с попыткой определить свое место в искусстве, найти сокровенный смысл поэзии, понять ее природу. Не случайно в наше сознание так естественно вошли понятия: искусство слова, муки слова, художник слова. Потому-то, наверное, так много лирических стихотворений, темой которых является слово художника как таковое, слово само по себе, слово как тайный смысл, а не только инструмент искусства.

Откуда вы приходите, слова,
исполненные доброго доверья?
По-моему, оттуда, где трава.
По-моему, оттуда, где деревья.

Стихотворение Юрия Левитанского не имеет названия, что, впрочем, не такая уж редкость в лирической поэзии. Задавшись вопросом, вынесенным в начало первой строфы, поэт приходит к мысли о том, что «слова — они, наверное, корнями, как деревья, уходят в глубину». А отсюда уже начинается путь, уводящий нас вместе с автором в глубокую старину, в ту древность, где пращур человека еще только ищет словесное выражение мира.

В ощущении Юрия Левитанского слова-знаки, обозначающие траву, лес, снег, воспринимаются как чудо, созданное самой природой в миг высокого вдохновения. Но слово может быть воспринято и по-другому, оценено иначе, воспроизведено с иной поэтической интонацией. Стихотворение Давида Самойлова называется «Слова» и начинается пейзажной картинкой:

Красиво падала листва,
Красиво плыли пароходы,
Стояли ясные погоды,
И праздничные торжества
Справлял сентябрь первоначальный,
Задумчивый, но не печальный.

Так и слышишь в этой строфе иронический голос автора, который не только создает поэтический образ осени, но и с легкой усмешкой относится к самому процессу создания. Отсюда, наверное,

это нарочитое повторение слова «красиво», которое здесь ближе к красивости, чем к истинной красоте, отсюда, кажется, и множественное число в выражении «ясные погоды», так несовместимое с изяществом и безупречным вкусом Самойлова. Но буквально вслед за этим, уже во второй строфе, авторская ирония не просто сменяется, а буквально взрывается неподдельным пафосом поэта:

И понял я, что в мире нет
Затертых слов или явлений.
Их существо до самых недр
Взрывает потрясенный гений.
И ветер необыкновенней,
Когда он ветер, а не ветр.

И наконец стихотворение завершается формулой, которая, может быть, и есть кредо поэта:

Люблю обычные слова,
Как неизведанные страны.
Они понятны лишь сперва,
Потом значенья их туманны.
Их протирают, как стекло,
И в этом наше ремесло.

Но разве не то же стремление постигнуть смысл обычных слов, увидеть в них неизведанные страны лежит в основе стихов Левитанского? Пожалуй, то же — во всяком случае очень близкое. Различна интонация авторов, но как поразительно близко желание проикнуть в святая святых слова — этого удивительного материала, из которого лепится, создается поэзия, и лирическая, и философская, и ироническая.

Но к чему столь пространные раздумья? Не ясно ли и так, что художник слова не может не размышлять о слове, что он обречен на это своим призванием и что ни один — ни великий, ни малый — не смог миновать этой вечной темы искусства? Конечно, все это ясно, но, к сожалению, далеко не все еще и не всегда любят те обычные, те загадочные слова, из которых состоит наш язык, которые живут в нас и окружают нас, которые вдохновляют на подвиги и убивают, создают творцов и уничтожают человеческое достоинство, врачуют и калечат. Трудно назвать другую силу, которая могла бы соперничать с силой слова. А отсюда вытекает важнейшая,

насущнейшая потребность в воспитании чувства слова, столь необходимого человеку.

Не случайно родная речь становится главной школьной дисциплиной буквально с первых дней обучения ребенка в первом классе. Но задолго до прихода в школу каждый ребенок проходит сложный путь знакомства со словом, осознания его возможностей, его красоты. С того момента, как он начинает произносить свои первые слова, в нем, как в прачуре из стихотворения Левитанского, «глухо пробуждается художник», он становится словотворцем, он совершает чудеса в освоении этой огромной стихии. Об этих великолепных возможностях маленьких детей много и замечательно размышлял Корней Чуковский в книге «От двух до пяти».

Все это так. Но почему же тогда, вырастая из своего творческого пятилетия, а может быть, десятилетия, люди порой как бы утрачивают эту природой вложенную в них способность, этот дар и превращают слова лишь в средство утилитарного общения? Идя вслед за вопросом Левитанского: «Откуда вы приходите, слова?» — хочется иногда задать другой вопрос: «Куда вы уходите, слова?» За суетой обыденности, за бытовыми проблемами мы порой упускаем нечто чрезвычайно важное и, вспоминая удачные изречения, почти афоризмы своих маленьких детей, с удивлением обнаруживаем, что выросшие дети начисто утратили то, чем так щедро и богато были наделены в нежном младенческом возрасте.

Попробуем честно ответить на вопрос: многие ли из взрослых людей вправе присоединиться к Давиду Самойлову в его признании «Люблю обычные слова»? Многие ли вообще любят слова? И что это значит — любить слово? И как конкретно, в обыкновенном течении жизни, в семейных и дружеских отношениях, а не в искусстве, может себя обнаружить эта любовь? Понятно, здесь речь не идет о филологах, лингвистах, редакторах, которые, выбрав профессию, уже признались в своей любви к слову. Речь идет обо всех нас, о наших детях, о нашем каждодневном существовании, которое и в радости, и в горести заявляет о себе на русском языке, требует ответного слова.

Конечно, эта проблема сложна. Воспитать в ребенке чувство слова — это не только научить его грамотно и интересно говорить. Это значит одновременно и приобщить его к таким сокро-

видам великой русской речи, с которыми вряд ли что-нибудь может сравниться. Проблема сложна и многоаспектна, а потому и неразрешима в небольшой книге. Мне хотелось бы остановиться лишь на одном ее аспекте — игре словом. Что это значит и почему игра словом может и должна стать могучим средством воспитания — об этом пойдет речь в дальнейшем. Пока же хотелось бы оговориться, что нам, вероятно, придется размышлять о двух важнейших и взаимосвязанных сторонах предложенного понятия: восприятию детьми словесной игры и активном участии самих детей в различных играх, связанных со словом. Поскольку проблема восприятия связана прежде всего с поэзией для детей, в которой элементы словесной игры составляют необходимую и очень существенную часть, — поэтому обращение ко многим произведениям детских писателей будет неизбежным и, хочется думать, радостным. Может быть, эта обращенность нашей темы к детской поэзии извинит столь затянувшееся вступление и столь субъективный выбор автором лирического материала для него.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ИСТОКАМ

Пять лет, шесть месяцев, три дня
Ты пожил в мире без меня,
А целых семь десятилетий
Мы вместе прожили на свете.

Должно быть, многие улыбнутся, вспомнив это шуточное начало юбилейного послания «75-летнему К. И. Чуковскому от 70-летнего С. Маршака». Впрочем, не совсем точно назвать приведенные строки началом. Ведь самому юбилейному тексту предшествует своего рода предисловие, такое же шуточное, веселое, озорное:

Чуковскому Корнею
Послание к юбилею.
Я очень сожалею,
Что все еще болею
И нынче не сумею
Прибыть на ассамблею
На улице Воровского,
Где чествуют Чуковского.

Подумать только: умудренные долгой жизнью люди, буквально патриархи нашей детской литературы, они и на склоне лет готовы шутить, озорничать, хохотать, не замечая ни возраста, ни болезней, которые входят в стих всего лишь шутливой строкой, не более.

Эти и многие другие стихотворные обращения Маршака к Чуковскому составили целый раздел в знаменитой «Чукоккале» — уникальном альманахе (или, по слову Маршака, музее), в котором запечатлелась наша русская и советская литература более чем за полвека.

Что же это за дивный дар — уносно играть в веселые и умные игры до седых волос, чувствовать себя в этой стихии свободно и счастливо? Ведь и «Чукоккала», начиная с названия и кончая содержанием, и шуточные стихи и рисунки в ней десятков интереснейших людей эпохи, в том числе Маршака, — ведь все это, конечно, игра, разминка ума, удивительная форма проявления неиссякаемой творческой энергии, которой, кажется, не хватает места в серьезных стихах и которая выплескивается в домашних экспромтах, не рассчитанных на широкого читателя, в импровизационном озорстве, не упуская ни малейшей возможности для самовыражения.

Размышляя о «Чукоккале» в рамках интересующей нас темы, хочется обратить внимание на то, что этот удивительный рукописный альманах возник за три года до выхода в свет первой сказки Чуковского для детей. И началось все с улыбки, юмора, смеха, с потребности отдохнуть от напряженного труда. Название, как вспоминает Корней Иванович, придумал старик Репин: оно составилось из начала фамилии Чуковского и наименования дачного поселка, где жило много интересных людей, — Чукоккала. Вероятно, когда Репин папиросным окурком рисовал на очередной странице тетради чей-нибудь портрет, он и не предполагал, что становится одним из участников единственного в мире собрания автографов. Вряд ли думал об этом и Маяковский, набрасывая дружеские шаржи на своего приятеля и сопровождая их шуточными подписями типа:

Скрыть сего нельзя уже:
Я мово Корнея
Третий год люблю (в душе)
Аль того раннее.

Когда сегодня мы перелистываем выпущенную издательством «Искусство» книгу с факсимильным воспроизведением записей писателей и поэтов, ученых и художников, мы не удивляемся тому, что именно в этой умной и веселой атмосфере, именно под пером Корнея Чуковского, известного в то время своей яркой публицистической и литературно-критической работой, родился знаменитый «Крокодил». Не только борьба с дамским рукоделием в литературе для детей, не только гнев и ярость молодого Чуковского против птичек, садочков, деточек и прочих атрибутов безвкусной и пошлой псевдолитературы, не только острые и яркие наблюдения над языком самих детей приближали молодого в ту пору литератора к его первой детской книге, но и весь изумительный дух, которым было проникнуто буквально все существование Чуковского в те годы, тот микроклимат, как сказали бы мы сегодня, в котором оттачивался, заострялся, расцветал природный дар будущего великого реформатора.

Уже в «Крокодиле» приемы словесной игры стали одним из важнейших принципов художественного метода Чуковского. И. Ивич вспоминает, как повсюду: в трамваях, на улицах, в дружеских компаниях — звучали строки из «Крокодила», а гимназисты то и дело переговаривались цитатами из Чуковского:

- И откуда такое чудовище?
- Нехороший барбос, невоспитанный!
- Эй, держите его, да вяжите его,
да ведите скорее в полицию!

Прошло совсем немного времени, и без квалифицированной помощи социологов родители той далекой эпохи сделали удивительное наблюдение: четырех-пятiletние дети с невиданным дотоле энтузиазмом декламируют наизусть целые главы из «Крокодила»! Такого ранее за маленькими детьми не замечалось, и каждая мать, столкнувшись с подобным феноменом, поначалу предполагала, что у нее просто невероятно талантливый ребенок, но после разговоров с друзьями убеждалась, что число талантливых детей возрастает прямо пропорционально числу детей, которым хоть раз прочитали эту сказку. Как констатирует Ивич, «оказалось, что дело тут не в одаренности детей, а в каких-то особых свойствах этой сказки в стихах — трудно было определить, каких именно».

Сегодня усилиями литературоведов, психологов, усилиями самого Чуковского, в первую очередь, уже не составляет труда определить, какие именно свойства этой сказки и последовавших за ней стихов и поэм для детей совершили такое чудо в области детского восприятия, детской памяти и, пожалуй, детской психологии. В числе многих свойств назовем важнейшее — игра.

Игра словом, игра понятиями, игра ритмом, часто самоценная, преследующая не столько смысловые цели, сколько задачу создать такую стиховую атмосферу, в которой маленькому ребенку будет удобно и комфортно. А что больше всего влечет маленьких? Что находят они в детских «считалках», лишенных вообще какого бы то ни было смысла и представляющих собой невообразимый набор абракадабр? Ритм, удобные сочетания звуков, которые в состоянии воспроизвести даже самый маленький, еще не научившийся толком говорить.

Зато когда он, наконец, преодолевает эти трудности и заговорит свободно, для него особую прелесть приобретают трудные, не обязательно понятные, но красивые и звучные слова. Это с необычайной чуткостью уловил Чуковский и радостно пошел навстречу детским потребностям.

Мы живем на Занзибаре,
В Калахари и Сахаре,
На горе Фернандо-По,
Где гуляет Гиппо-попо
По широкой Лимпопо.

Характерно, что никто из маленьких детей, которым впервые читают «Айболита», не испытывает скуки перед неизвестными ему географическими наименованиями, да он и слова-то такого — география — еще не слышал, и никто из них не спрашивает, что означают эти непонятные слова. Дети мгновенно их запоминают, начинают с упоением повторять, и плясать под них, и радоваться их мелодическому звучанию.

Сюжетные переходы при этом так причудливы, так непредсказуемы, и на взгляд взрослого человека так порой нелогичны, что начало и конец произведения без соединительных звеньев, поставленные рядом, кажутся абсолютно несовместимыми. Вспомним: «Телефон», приобщающий детей к настоящей игре, который завершается

неожиданным: «Ох, нелегкая это работа — из болота тащить бегемота!» А «Тараканище», где рассказывается ужасная история, которая завершается, конечно же, победой добра, но... последним штрихом становится неожиданный пассаж: «Вот была потом забота — за луной нырять в болото и гвоздями к небесам приколачивать!»

Все игровые, смысловые, сюжетные ходы в поэмах Чуковского возникали не по наитию, а в соответствии с точно понятыми эстетическими запросами ребенка.

В своих «Заповедях» авторам стихов для детей Чуковский писал: «...сюжет поэмы для малых детей должен быть так разнообразен, подвижен, изменчив, чтобы каждые пять-шесть строк требовали новой картинки». И Чуковский верен этому принципу, именно поэтому его сказки делятся на маленькие главки-картинки, быстро запоминающиеся и вызывающие немедленный эмоциональный отклик.

«Пять лет, шесть месяцев, три дня», как остроумно подсчитал Самуил Яковлевич Маршак, жил Чуковский одиноко — без него, Маршака. Столько же времени понадобилось на то, чтобы вслед уже ставшему знаменитым Чуковскому на обширном пространстве детской литературы вступил Маршак. Забавно, но именно в эти с половиной лет отделяют дебют Маршака в поэзии для детей от выхода в свет «Крокодила». Дебют был не менее замечательным — «Детки в клетке».

Маршак, идя иным путем, чем его старший соратник (не побоимся этого высокого слова), через изучение сказок Пушкина и английских народных песенок и стихов, пришел к тем же принципиальным выводам, что и Чуковский. «Детки в клетке» — это не поэма-сказка (излюбленный жанр Чуковского), это ряд законченных миниатюр, каждая из которых состоит из пяти-шести, а порой и из двух строк и требует отдельной картинки. Правда, здесь речь идет о картинках-портретах, где каждый раз возникает изображение нового зверя. Но для любого городского ребенка, хоть раз бывавшего в зоопарке, это уже не обязательно. Он вспомнит без труда виденных им слона, жирафа, тигра, обезьяну и порадует точности их описания.

Если в дореволюционной поэзии для детей «детки» появлялись лишь в сентиментально-умилятельных виршах и обозначали безусловно послушных, покорных, чистеньких малышей, будто сошедших с пасхальной открытки, то у Маршака это слово приобре-

тает совершенно иную окраску, звучит юмористически (речь-то пойдет о звериных детенышах), да еще и так чудесно рифмуется с соседним словом. То же самое совершает автор, представляя читателям маленького тигра: «Эй, не стойте слишком близко — я тигренок, а не киска!» Как непохоже это на традиционную «киску», слишком знакомую маленьким читателям предшествовавших поколений. Книга Маршака полюбилась детям. В советскую поэзию вошло новое имя, и с тех пор Чуковский и Маршак — признанные авторитеты, законодатели вкуса, а позже, но, безусловно, еще при жизни — классики детской литературы.

В конкретном же восприятии ребенка они четко сменяют друг друга. Чуковского дети, как правило, узнают раньше, в пору абсолютного младенчества, в полтора-два года, Маршак, во всяком случае в его крупнейших по успеху и значению произведениях, становится предметом детского чтения, усвоения и любви уже попозже, лет в пять-шесть. И в точном соответствии с возрастом предполагаемого читателя вырабатываются авторами приемы словесной игры.

К примеру, оба мастера любят использовать повторы, причем каждый хочет, чтобы ребенок уловил смысл предлагаемой ему игры, активно в нее включился. Двухлетнему читателю очень импонирует то, как повторяются, тесно переплетаясь, слова в сказках Чуковского:

Выходила к ним горилла,
Им горилла говорила,
Говорила им горилла,
Приговаривала...

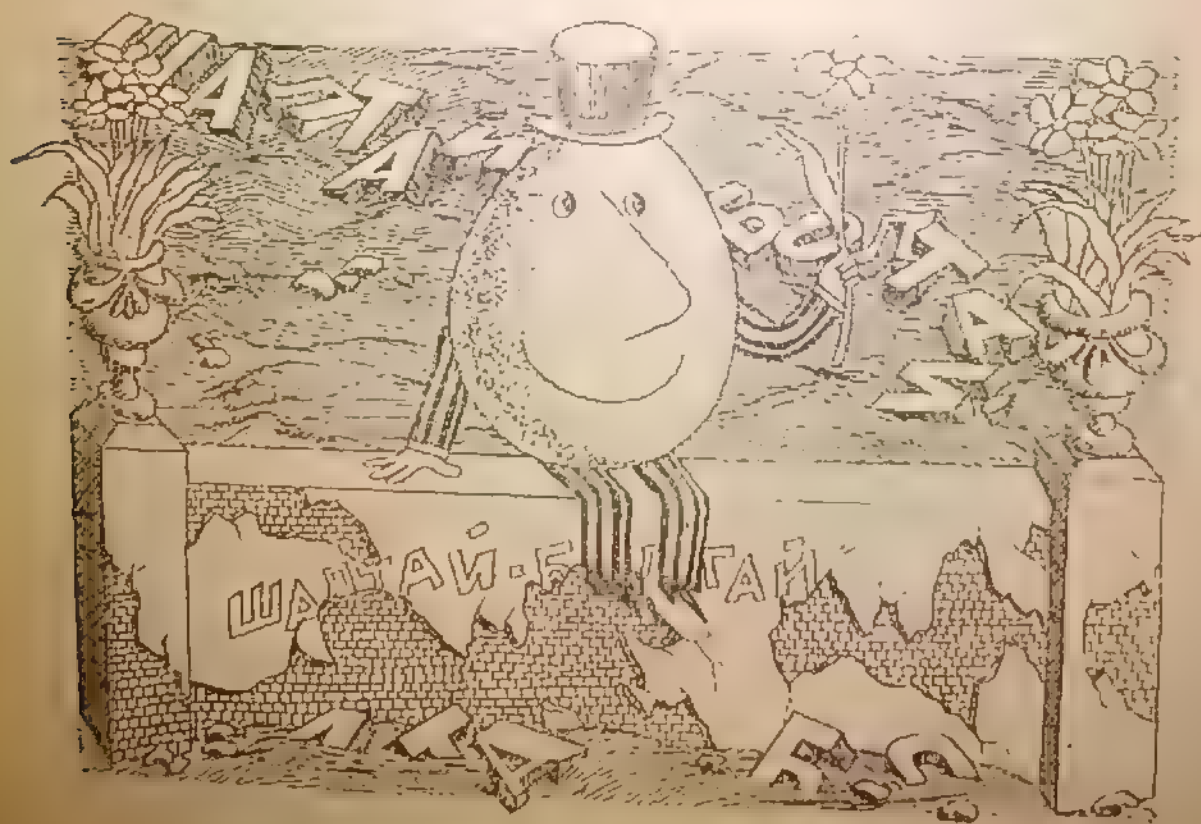
Или:

И тебе головомойку,
Неумытому, дадут —
Прямо в Мойку,
Прямо в Мойку,
С головою окунут!

Игровые приемы Чуковского прежде всего напоминают нам о первых детских «интеллектуальных» играх, где повторы чрезвычайно важны, а конкретное содержание совсем несущественно. Вспомним, например, одно из популярнейших фольклорных произведений которого не миновал, наверное, ни один русский ребенок:

Баба сеяла горох —
Прыг-скок, прыг-скок!
Обвалился потолок —
Прыг-скок, прыг-скок!
Баба шла, шла, шла,
Пирожок нашла,
Села, поела,
Опять пошла...

Не будем продолжать это классическое произведение, в котором героиня станет на носок, а потом на пятку, — задумаемся над вопросом: какая смысловая связь между сеянием гороха и обвалившимся потолком, и куда после этого обвала отправилась баба, и при чем здесь пирожок, а тем более последующая пляска. Ведь все в этом бесхитростном стишке бессмысленно, все представляет собой сущую нелепицу, однако дети обожают эту нелепицу и требуют повторять без конца, и танцуют под нее, едва научившись ходить. Да что там ходить! Мой пятимесячный внук, усвоив эти «прыг-скок», так самозабвенно скачет в ванне, что вода плещется через край. А он захлебывается, отдувается и продолжает: «прыг-скок, прыг-скок!»

И вот наши дети, всласть напрыгавшись, натанцевавшись под Чуковского, уверившись в своей сообразительности при чтении его «перевертышей», выучив наизусть сотни звучных строк и строф, входят в другой мир — мир Маршака. Они уже готовы к восприятию тех игр, которыми их порадует автор. Они уже и автора знают: «Детки в клетке» и кое-что другое для них уже пройденный этап. И надо усложнить поставленную перед ними задачу, не поступаясь важнейшим условием: стихи должны легко восприниматься и быстро запоминаться.

В точном соответствии с этим условием наш маленький читатель знакомится, скажем, с дамой, которая «сдавала в багаж диван, чемодан, саквояж, картину, корзину, картонку и маленькую собачонку». В сюжетном движении и возникает игра на повторении этих блестяще подобранных слов, связанных еще и внутренней рифмой: диван — чемодан. картина — корзина. Изменяться в дальнейшем будет только последняя строка: «Товарищи! Где собачонка?», «Где прежде была собачонка». Ромик избранной автором ситуации достигает апогея в конце стихотворения: «Однако за время пути собака могла подрасти!» И снова эта изумительная рифма не в конце, а внутри строки: однако — собака. Как упруго благодаря этим внутренним рифмам звучат стихи Маршака!

Система повторов влечет поэта и в его переводах с английского. Показателен в этом отношении, например, «Шалтай-Болтай», который сидел на стене. Мне могут возразить, что этот стишок более соответствует, выражаясь фигурально, читателю Чуковского, то есть самому маленькому. Верно. Но он показателен как звено в поэзии Маршака:

Шалтай-Болтай
Сидел на стене.
Шалтай-Болтай
Свалился во сне.
Вся королевскáя конница,
Вся королевская рать
Не может Шалтая,
Не может Болтая,
Шалтая-Болтая,
Болтая-Шалтая,
Шалтая-Болтая собрать!

Вся эта миниатюра основана на повторах, ими держится, и в них-то весь смысл конструкции, сколоченной крепко, надежно и забавно одновременно. Характерно, что многим малышам и в голову не приходит, что «Шалтай-Болтай» — это всего лишь яйцо, которое, упав со стены, разбилось и растеклось. Они даже вопросом не задаются, кто же такой герой этого стихотворения. Но повторять очень нравится, и запоминается с одного-двух прочтений. А вот «Дом, который построил Джек» уже рассчитан на читателей постарше. Маленьким там многое будет непонятно, может быть скучновато, и они вряд ли смогут по достоинству оценить словесную игру, предложенную автором. Вспомним, кстати, что это первое произведение английской народной поэзии, которое Маршак сделал достоянием русских детей.

Содержанием словесной игры становится синтаксическая запутанность, создающая рисунок стихотворения. Начинаясь с простого предложения: «Вот дом, который построил Джек», — стихотворение постепенно усложняется за счет наращения ритмически четких придаточных предложений, доходящих до восьми в последней строфе и включающих с каждой новой строфой все предыдущие. Заключительная строфа — вершина этой синтаксической пирамиды:

Вот два петуха,
Которые будят того пастуха,
Который бранится с коровницей строгою,
Которая доит корову безрогую,
Лягнувшую старого пса без хвоста,
Который за шиворот треплет кота,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

Как нетрудно увидеть, первооткрыватели и в прямом смысле первопроходцы в области поэзии для детей, Чуковский и Маршак, считали игру словом одним из самых существенных элементов детской литературы. По признаюсь: я была достаточно тенденциозна в выборе примеров, памятуя о нашей теме и о той конкретной задаче, которая передо мной стоит. И у Чуковского, и в особенности у Маршака игра словом — не самоцель и отнюдь не единственный из художественных приемов. Можно вспомнить многие замечательные

произведения Маршака, где этот элемент поэтической структуры вовсе отсутствует. Однако не упомянуть двух крупнейших детских поэтов, не напомнить читателям об их великолепных находках, проложивших путь последователям и ставших основанием школы детской поэзии, было бы невозможно, да и несправедливо.

А пока, прощаясь с любимыми детскими поэтами, предоставляю слово Н. Ивичу, который очень точно охарактеризовал эпоху становления детской литературы, озаглавленную именами Чуковского и Маршака.

«В ту пору игра словом, затейливая шутка часто исчерпывали смысл стихотворения. А потом находки сливались с другими и уже служили широким смысловым, идейным задачам, помогали создавать «большую литературу для маленьких».

ОТ ХАРМСА ДО ЗАХОДЕРА

Шел по улице отряд —
сорок мальчиков подряд:
раз,
два,
три,
четыре,
и четыре
на четыре,
и четырежды
четыре,
и еще потом четыре.

Так начинается стихотворение Даниила Хармса «Миллион». Художник Ф. Лемкуль, оформлявший книгу, не поспешил на краски: его работа представляет собой радостное буйство живописи. В походе, в жестах, в мимике ребят, изображенных Лемкулем, отчетливо ощущается задорный ритм, заданный поэтом.

В таком же веселом ритме движутся и девочки, которые, как задумано художником, сейчас перешагнут на следующую страницу книги:

В переулке шел отряд —
сорок девочек подряд:
раз, два, три, четыре,
и четыре на четыре,

и четырежды четыре,
и еще потом четыре.

Упосенно следуя в чтении этому ритму, младшие школьники вряд ли улавливают одну тайну, ловко спрятанную автором в этих на первый взгляд нехитрых строчках.

Книжка Даниила Хармса «Что это было?», куда входит стихотворение «Миллион», выпущена в 1967 году. Ей предшествовал небольшой сборник «Игра», вышедший в свет четырем годами раньше. Один из самобытнейших мастеров, высоко оцененный К. Чуковским и С. Маршаком, Даниил Хармс (таков был главный из множества псевдонимов Даниила Ивановича Ювачева) начал печататься еще до войны, но затем в течение нескольких десятилетий не был известен юным читателям. Названные книги были буквально открытием этого поэта для тысяч советских детей и привлекли к нему благодарное внимание родителей, но и недавние библейские издания, и отдельные публикации поэта не смогли даже в малой степени удовлетворить читательский спрос.

Название первого сборника — «Игра» — стало заглавием раздела во второй книге и объединило девять стихотворений. Изначалу можно подумать, что это традиционный прием — вынести название какого-то одного стихотворения в рубрику или даже в заголовок сборника. Но в данном случае дело не только в этом. Дело еще и в том, что Хармс приглашает своих читателей включиться в игру, которая начинается с первых же строк.

На что прежде всего реагируют дети? Конечно же, на ритм, усиленный многократным повторением одного и того же слова «четыре». На этом слове, как на стержне, держится все стихотворение. Но оно же, как тугая пружина, постепенно расправляется, становится еще объемнее, еще насыщеннее:

Да как встретилися вдруг,
стало восемьдесят вдруг!
Раз,
два,
три,
четыре,
и четыре
на четыре,
на четырнадцать

четыре,
и еще потом четыре.

Неожиданным для маленького читателя оказывается только слово «четырнадцать», поставленное на такое место в строфе, где уже ожидалось привычное «четыре». Но эта неожиданность не раздражает, а радует читателя: во-первых, потому, что не нарушает чистоты ритмического рисунка, а во-вторых, потому, что очень похоже на «четыре», однокоренное с ним, родственное.

Так в чем же состоит игра? Может быть, в том, что под эти стихи можно маршировать не менее азартно, чем это делают пионеры на картинке? Да, и в этом. Может быть, в том, как интересно работает слово в стихе, употребленное множество раз, но несколько не надоевшее? И в этом тоже. Но есть еще одно, очень важное, та самая тайна, о которой упоминалось выше.

Должна признаться, что это открытие я сделала совсем недавно. Много раз читал это стихотворение детям и наблюдая их реакцию, я невольно, как и они, воспринимала это стихотворение как импровизацию, в которой слово подыгрывает ритму и создает настроение. В том, как смонтированы строки, совершенно не ощущается усилия поэта, не ощущается какой-либо преднамеренности. И вдруг мне неожиданно открылась еще одна загадка. Чтобы ее показать, попытаемся расположить слова как числа в простейшей арифметической задаче. «Четыре на четыре» и «четырежды четыре» — это одно и то же, только по-разному выраженное. Что же получится?

А вот что: $4 \text{ плюс } 4 \times 4 \text{ плюс } 4 \times 4 \text{ плюс } 4 = 40$. Сначала — «сорок мальчиков подряд», потом — «сорок девочек подряд». Оказывается, в этой кажущейся импровизации, в этой пляске слова зложен точный расчет! Ну а дальше? Запишем и дальше таким же образом: $4 \text{ плюс } 4 \times 4 \text{ плюс } 14 \times 4 \text{ плюс } 4 = 80$. «Стало восемьдесят вдруг!» Выходит, что и здесь не просто так возникло «четырнадцать». Но для того, чтобы этот строгий расчет поэта был так неощутим, невидим, неслышим, потребовалась, конечно же, огромная работа, итогом которой и стали приведенные выше стихи.

В дальнейшем движении отряда, а вместе с ним и стихотворения перед читателем появится огромная площадь, на которой стоит «не компания, не рота, не толпа, не батальон, и не сорок, и не сотня,

а почти что миллион». И снова, как припев, следует строфа с привычным началом:

Раз, два, три, четыре,
и четыре
на четыре,
сто четыре
на четыре,
полтора ста
на четыре,
двести тысяч
на четыре,
и еще потом четыре!

Если прибегнуть к такому же подсчету чисел в этой строфе, то миллиона не получится. И автор об этом знает! Именно этим его знанием объясняется чрезвычайно важное здесь «почти что». Это и значит: не совсем миллион, не полный миллион, но очень-очень близко к миллиону. И каким изящ-остром, какой грациозной шуточной нотой завершает Хармс: после огромных чисел — «двести тысяч на четыре» — с неизбежностью, которой требует вся архитектоника стихотворения, он добавляет: «...и еще потом четыре!».

Вот, оказывается, какая игра зашифрована в нехитрых внешне строчках!

На необыкновенный талант Даниила Хармса в области игры словом обращают внимание буквально все, кто так или иначе анализирует его творчество. Критик А. Бармин пишет: «Хармс, опираясь на детское творчество, нашел те условия, в которых слово и способы соединения слов входят в сознание с наибольшим эффектом... Для развития грамматических представлений ребенка одно стихотворение Хармса может дать больше, чем несколько сухих уроков школьных «навыков». (Как видим, не только грамматических, но и, как ни удивительно, математических представлений.)

Кстати, математические понятия в применении к Хармсу порой звучат в работах о нем, но в переносном смысле, как символ сложного лексического и синтаксического эксперимента для детей, как «высшая математика» игры словом.

Наконец, чрезвычайно высоко оценил опыты Хармса К. Чуковский в знаменитой книге «От двух до пяти»: «Весело и озорно, совсем по-детски увлекался словесной игрой молодой поэт Даниил

Хармс, достигавший в своем кратковременном творчестве значительных литературных эффектов, к которым дети относились с беззаветным сочувствием». Добавим: и относятся сегодня, и будут относиться завтра.

Возможности озорной словесной игры безграничны, а главное бесценны, ибо ребенок приобщается через подобные стихи к чувству языка, начинает понимать тонкости его звучания, огромный диапазон его применения. Хармс вместе с Маршаком и Чуковским стоял у истоков этого направления в советской поэзии для детей. Адресатом Чуковского был и остается читатель «от двух до пяти», сложная игра Хармса рассчитана на младших школьников.

Примеры его экспериментов можно продолжать и продолжать. Они касаются и ритмики стиха, и композиции, и рифмы. Ну хотя бы вот это четверостишие из маленького стихотворения «Очень страшная история»:

Сказал младший: «Вот напасть,
Хочет он на нас напасть.
Чтоб в беду нам не попасть,
Псу мы бросим булку в пасть».

Как все просто и как много интересного в этих строчках. Здесь и парочность рифмы, и многозначность слова (напасть — напасть), и простейший с виду интонационный ход, переводящий «очень страшную историю» в комическое русло.

Классическим можно назвать знаменитое стихотворение Хармса «Врун». Все оно построено как диалог. Один собеседник сообщает некий уникальный факт, а другой его страстно опровергает. Мы встречаемся в этих стихах с излюбленным хармсовским хореем, который уже не марширует, как в «Миллионе», а буквально пляшет.

А вы знаете, что У?
А вы знаете, что ПА?
А вы знаете, что ПЫ?
Что у папы моего
Было сорок сыновей?
Было сорок здоровенных —
И не двадцать,
И не тридцать, —
Ровно сорок сыновей!
— Ну! Ну! Ну! Ну!
Врешь! Врешь! Врешь! Врешь!

Еще двадцать,
Еще тридцать,
Ну, еще гуда-сюда,
А уж сорок,
Ровно сорок,—
Это просто ерунда!

По такому принципу построено все стихотворение. Читателей веселит не только основной рассказчик, но и его, так сказать опровергатель. Факты, сообщаемые в стихотворении, смехотворны по степени недостоверности («собаки-пустолайки научились летать», «под морем-океаном часовой стоит с ружьем» и т. д.), но и опровергающие их реплики не менее смехотворны.

Как же может, употребляя выражение современной критики, это стихотворение «войти в сознание ребенка»? Не в общем смысле — запомниться, полюбить, а в более конкретном, связанном с укреплением грамматических навыков? Оказывается, может. Мне довелось быть свидетелем того, как старшеклассники готовили праздничный номер школьной стенгазеты. И буквально гроздь этого номера стали многочисленные факты из их школьной жизни, которые они преподнесли в хармсовской манере:

— А вы знаете, что У?
А вы знаете, что ЧИ?
А вы знаете, что ТЕЛЬ?
Что учитель Марк Мироныч
Нас сегодня
Похвалил?
— Ну! Ну! Ну! Ну!
Врешь! Врешь! Врешь! Врешь!
Еще Римма Алексеевна
Иль Тамара Алексанна,
Ну, еще туда-сюда,
Ну, а чтобы Марк Мироныч —
Это просто ерунда!

Эффект был замечательный: у газеты толпились, хохотали, а главное — все узнавали Хармса. Не потребовалось никаких специальных комментариев, никаких разъяснений.

Используя слова В. Жирмунского о поэзии 20-х годов, хочется сказать, что детские поэты, вступившие в литературу в 20—30-е годы, «не случайные» современники. В этом направлении советской

поэзии, в стремительном развитии этого направления сложилась советская детская классика: К. Чуковский, С. Маршак, Л. Квитко, С. Михалков, А. Барто и многие-многие другие. И Даниил Хармс. Игра словом присутствует в творчестве любого детского поэта — достаточно вспомнить «перевертыши» Чуковского, «глубокоуважаемого вагоноуважаемого» Маршака, «синий-синий презеленый красный шар» Михалкова. Но, пожалуй, только у Хармса она с самого начала стала фундаментом, основой творчества для детей младшего школьного возраста.

Книгу Хармса «Что это было?» завершает обстоятельная статья И. Халатова, в которой читаем: «И если рано еще говорить о «школе Хармса» (слишком робки еще его последователи), то о традициях Хармса в сегодняшней поэзии для малышей у нас уже есть полное право говорить без утайки».

Прав ли автор этих строк, упрекая последователей Хармса в робости? Не касаясь творчества многих поэтов, пишущих для детей (Э. Мошковская, Э. Успенский, Н. Токмакова, Ю. Мориц заслуживают не беглого упоминания, а серьезного анализа в этом отношении), остановимся пока лишь на одном, имя которого звучит сегодня в детской литературе не менее громко, чем имена его замечательных предшественников. Это Борис Заходер. Его старшими современниками и учителями были Маршак и Чуковский, он вошел в литературу чуть позже Михалкова и Барто, и не оборвалась жизнь Хармса так рано, он тоже мог бы оказаться в ряду не случайных современников Заходера. Школа Хармса — школа игры словом — нашла в творчестве Заходера не робкого последователя, а дерзкого и талантливого продолжателя.

Кажется, почти эпиграфом к детской поэзии, развивающейся в русле хармсовской традиции, могли бы стать слова одного из величайших русских лингвистов А. Потебни: «Язык не есть только материал поэзии, как мрамор — валяния, но сама поэзия, а между тем поэзия в нем невозможна, если забыть наглядное значение слова».

Итак, наглядное значение слова. Оно проясняется тогда, когда обычные слова «протирают, как стекло», укрупняют, нарочито выделяя из ряда соседних. Книга Заходера «Товарищам детям», так же как книги Хармса, адресована школьникам начальных классов. Но, осмелюсь добавить, умным школьникам, самым сообразительным.

самым чутким к поэзии вообще и к словам, из которых поэзия образовалась, в частности. Стихи Заходера могли бы по праву стать великолепным дополнением к школьному учебнику русского языка, дополнением творческим, ярким, исполненным огромного чувства юмора.

Истинная поэзия для детей выполняет одновременно множество сложных воспитательных задач: раздвигает рамки представлений о мире, приобщает к прекрасному, способствует развитию музыкальных данных (благодаря ритмической и мелодической природе стиха), учит добру и правдивости, наконец — воспитывает культуру речи. А разве не это одна из основных задач начальной школы?

Посмотрим, например, какова действенная сила небольшого стихотворения Заходера «Никто»:

Завелся озорник у нас.
Горюет вся семья.
В квартире от его проказ
Буквально нет житья!
Никто с ним, правда, не знаком,
Но знают все зато,
Что виноват всегда во всем
Лишь он один — никто!
Кто, например, залез в буфет,
Конфеты там нашел
И все бумажки от конфет
Кто побросал под стол?
Кто на обоях рисовал?
Кто разорвал пальто?
Кто в папию стол свой нос совал?
Никто, никто, никто!
— Никто — ужасный сорванец! —
Сказала строго мать, —
Его должны мы, наконец,
Примерно наказать!
Никто сегодня не пойдет
Ни в гости, ни в кино!
Сместесь вы?
А нам с сестрой
Ни капли не смешно!

Сформулировать мораль этого стихотворения не так уж сложно. Она лежит в русле классических стихов В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо?». Здесь, правда, раскрывается содержа-

ние лишь второго тезиса, а первый доказывается, так сказать, от противного. Залезать тайком в буфет, соригь конфетными обертками, рисовать на обоях — все это плохо. Но только ли эта мысль внушается читателю? Нет, не только. Хуже всего перечисленного, хуже любого озорства — обманывать. В этом и заключена идея стихотворения. Но доносится она до адресата не в форме дидактического поучения, а в шутливой, проиической и очень тонкой форме словесной игры. На все вопросы, обращенные к детям, они дружно отвечают: «Никто!» Отрицательное местоимение в данном случае прекрасно передает бесхитростную форму, прибегая к которой многие дети уклоняются от нежелательного вопроса.

Обратим внимание на то, что это местоимение впервые возникает в стихах не как обозначение таинственного действующего лица, а вполне традиционно, нейтрально: «Никто с ним, правда, не знаком». Игра начинается уже в этой строке, но пока не обнаружила себя явно. И лишь дальше она, эта игра, становится принципом организации стихотворения. Желая, чтобы этот момент не был пропущен, автор выделяет слово крупным шрифтом, привлекая к нему и зрительное внимание ребенка.

Наконец, кульминационным моментом в композиции становится непривычное для русского языка употребление местоимения «никто» в значении подлежащего, рядом с которым возникает сказуемое без отрицательной частицы: «Никто — ужасный сорванец!». А дальше синтаксическая игра завершается, и вместе с этим наступает развязка: «Никто сегодня не пойдет ни в гости, ни в кино!». Если бы это предложение было прочитано вне контекста стихотворения, никакого словесного трюка в нем невозможно было бы усмотреть. Но трюк налицо: именно в такой синтаксической конструкции отрицательное местоимение употребляется совершенно так же, как личное: никто не пойдет — он не пойдет. Но смысл, вложенный автором в структуру фразы, превращает отрицательное местоимение в собственное имя, и читатель, уловив все эти нюансы, смеется вместе с автором над незадачливым персонажем. Надо ли говорить, насколько действеннее этот сотворческий смех ребенка, чем верная, но скучная проповедь азбучной истины: говори всегда правду! Силами читателя вызывает и мать, наказавшая рассказчика, потому что он

наказание выполнено с юмором. Сам напросился, а масть только подыграла, превратив «никто» в «кто».

А вот стихотворение, идея которого заключена в осуждении эгоизма. Героем его избирается не самовлюбленный первый ученик, не жадный и корыстный человек, не напыщенное ничтожество, а буква «я». Сначала читаем эпиграф: «Я — последняя буква в азбуке. Поговорка». Уже здесь ощущается заходеровская усмешка, и читатель, знакомый с этим поэтом, настороже и в ожидании: он не сомневается, что сейчас ему преподнесут что-то неожиданное. Так и есть. Препамбулой стихотворения является рассказ о том, как однажды буква «я» не захотела встать в строку, а только на первое место, чтобы быть у всех на виду:

Я ведь вам не просто буква,
Я — местоимение.
Вы
В сравнении со мною —
Недоразумение!
Недоразумение —
Не более не менее!

Азбука приходит в страшное волнение, и каждая буква реагирует на беспардонность «я» по-своему. Заходер обыгрывает шипящие, свистящие звуки, сознательно выдвигая на первый план звукопись в строке. Но не эти моменты наиболее интересны в стихотворении. Вслед за строчкой: «— Срам! — сердито С сказало,» — идет:

В кричит:
— Воображала!
Этò всякий так бы мог!
Может, я и сам — предлог!

До чего же замечательно соединяется в этих строчках совершенно детское слово «воображала» с поворотом внимания ребенка к букве, которая неожиданно оборачивается словом — предлогом. Еще через несколько строк в полемику вступает целая компания букв:

— Ти-и-ише, буквы! Стыдно, знаки! —
Закричали гласные.—
Не хватало только драки!
А еще Согласные!

Заходера не смущает рифма: гласные — согласные, которая

могла бы в ином случае вызвать много нареканий. Но здесь так и задумано, и это любому ясно. Простим автору и некоторую лингвистическую небрежность: гласными и согласными бывают не буквы, а звуки, но в представлении младших школьников разница между этими понятиями не столь уж велика.

Главное — сколько вопросов, пробуждающих творческую энергию ребенка, мог бы задать учитель на основании этого стихотворения! Приведу лишь самые очевидные. Какие еще буквы русского алфавита являются словами? И какими частями речи они являются? Ребята начали бы, как разведчики, изучать азбуку и обнаружили бы, что: А — междометие и союз, И — частица (усеченная же), И — союз, Е — предлог, О — междометие и предлог, С — предлог, У — предлог, Э — междометие.

А потом можно было бы предложить младшим школьникам придумать предложения с этими словами. А потом поинтересоваться, как они поняли упрек Гласных, обращенный к Согласным. Выяснилось бы, что многие не уловили тех оттенков значения этого слова, которые вложил в него автор. Тут бы самое время было показать ребятам воочию, как велик русский язык. «А еще Согласные!» — у Заходера значит «мирные, миролюбивые». А почему? Потому что мирный человек — это тот, кто умеет согласиться с другим. А почему же так называются звуки, о которых младшие школьники автоматически заучивают, что они состоят только из шума, в отличие от гласных? Учитель мог бы предложить ребятам составить слово из одних гласных, и у них бы ничего не получилось. И тогда, наверное, малышам стало бы интересно узнать, что слово в языке может состоять лишь из соединения различных звуков и букв, из их содружества, сопряжения, согласия. Дети почувствовали бы конкретное содержание приставки и сами захотели бы придумать другие слова с этой приставкой. И так далее. Словом, вспоминая отзыв А. Бармина о стихах Д. Хармса, можно с полной ответственностью сказать, что такое стихотворение Заходера точно так же могло бы дать очень много для развития грамматических навыков ребенка, для воспитания в нем чувства языка и любви к языку.

Интересно пользуется Б. Захoder многозначностью слова и в других своих стихах. Слово «перемена» означает перерыв между уроками в школе и ту метаморфозу, которая происходит с герман-

стих
ним
Геро
в ф
но ш
одна
ехат
смех
паве
Ка
чтобы
обьяс
По
говоря
но в с
робост
ренция
рые об
тель, а
отказат

Вели
именно
просто з
бы назы
потам, п
должен в
(Интерес
дером в «
Заход
иании эт
литератур

стихотворения, только что дремавшим на уроке и вдруг проявляющим себя самым лихим, самым активным, самым бедовым учеником. Герою другого стихотворения катастрофически «не везет»: играя в футбол, он бьет соседские окна; удачно списывает контрольную, но шпаргалка оказывается некачественной, и он получает двойку; однажды выучил урок, а его не вызвали к доске; решил утром проехать в трамвае без билета, но попался контролеру под дружный смех пассажиров: «Раз трамвай везти не хочет, тут уж ясно — не везет!».

Казалось бы, прием тот же, но автор заостряет его. Он не ждет, чтобы читатель догадался о многозначности слова «везет», он сам объясняет это.

После блестящих, знаменитых опытов С. Маршака по созданию говорящей азбуки Борис Заходер, не робея, повторяет тот же опыт, но в собственном варианте: он создает «Мохнатую азбуку». О какой робости поэта можно говорить, если он решается вступить в конкуренцию, во-первых, с Маршаком, а во-вторых, с теми стихами, которые были отмечены Ленинской премией! Это не робкий последователь, а дерзкий преемник. В этом цикле Заходер снова не может отказаться от своей излюбленной игры словом:

Откровенно признаю:
Зверя нет.
На букву «Ю».
Это — ЮЖНЫЙ КТОТОТАМ.
Я его
Придумал сам!

Великолепно придумал! Присоединив к неопределенному местоимению «кто-то» местоименное наречие «там», Заходер создал не просто забавный неологизм, но слово, которым и в самом деле могло бы называться какое-нибудь животное. Если есть в природе гиппопотам, пусть будет и ктототам. А «южный» — это понятно: ведь он должен в соответствии с правилами игры начинаться на букву «ю». (Интересно, что он оказался сродни слонопотаму, созданному Заходером в «Винни-Пухе».)

Заходер любит выступать не переводчиком в классическом понимании этого слова, а перелазгачелем произведений европейской литературы. Об одной из любимых книг советской детворы «Винни-

Пух и все-все-все» Заходер говорит: «Ее написал английский писатель А. Мили, а я научил Винни-Пуха и его друзей разговаривать по-русски». Те же самые слова можно было бы отнести и к знаменитой «Алисе в стране чудес» Л. Кэрролла. В этом комментарии переводчика нет ни метафоры, ни гиперболы. Больше того: Заходер нашел очень точные, единственно точные слова, которыми можно определить его работу с английскими источниками, — научил разговаривать по-русски. Невозможно проанализировать все песенки Винни-Пуха, среди которых Шумелки, Ворчалки, Пыхтелки, Сопелки, Кричалки. Такой анализ сам по себе вполне мог бы стать предметом небольшого лингвистического исследования. Остановимся на одном лишь стихотворении, в котором Заходер обращается к новому для себя приему. Условно назовем этот прием игровым принципом шарады. Вот начало стихотворения «Загадочный шум»:

Опять ничего не могу я понять —
Опилки мои в беспорядке,
Везде и повсюду, опять и опять
Меня окружают загадки!

Ни заглавие стихотворения, ни первая строфа не содержат даже намека на ту веселую игру, которая последует дальше:

Возьмем это самое слово ОПЯТЬ.
Зачем мы его произносим,
Хотя мы свободно могли бы сказать:
ОШЕСТЬ, и ОСЕМЬ, и ОВОСЕМЬ!

Создав ряд бессмысленных для русского языка слов, состоящих из буквы «О» и взятых наугад числительных, автор без всяких специальных разъяснений показал своему читателю, как в одном слове, будто в традиционной русской матрешке, может быть спрятано другое, совершенно не улавливаемое в привычном разговорном обиходе.

Буква «О», которая может в русском языке выполнять функции и междометия, и предлога, все-таки с трудом воспринимается как самостоятельное, полноценное слово. И автор не останавливается. Его умное озорство продолжается:

Молчит ЭТАЖЕРКА, молчит и ТАХТА —
У них не добьешься ответа,
Зачем, это ХТА обязательно ТА,
А ЖЕРКА, как правило, ЭТА?

Слов «жерка» и «хта» не существует, и дети об этом догадываются. Но существуют местоимения «эта» и «та». Ребятам нравится шутка, тем более что она подкреплена юмористическим «как правило». Они понимают, что не «как правило», а обязательно — то есть разницы между тахтой и этажеркой в проведенном над ними словесном эксперименте никакой нет. Но как интересно самим продолжить такую игру и попробовать придумать ряд похожих слов. Трудным окажется начало «эта»: в основном так начинаются слова иноязычного происхождения, непростые по лексическому значению. Но зато сколько радости вызовет у младших школьников другой ряд: ТА-буретка, ТА-релка, ТА-ицовщица... Мало того, что ребята выучат местоимение как следует, — они еще запомнят и близкие с ними местоимения мужского и среднего рода: тот и то. Ведь, придумывая слова в соответствии с предложенной игрой, нельзя будет включить в этот ряд «танец» или «табель», потому что это существительные мужского рода и даже часть этих существительных невозможно согласовать с женским родом местоимения «та».

К сожалению, пока подобные игры не включены в школьную программу. А между тем об элементах игры как существенном компоненте педагогики в начальных классах школы много пишут и размышляют и ученые, и родители, и учителя, и писатели. Правда, игра осмысливается, как правило, в методическом ключе. Думается, что на уроках русского языка и литературы она могла бы стать не только вопросом методики, но и частью предметного обучения. Помощь школе в этом направлении со стороны ученых-лингвистов и самих детских писателей могла бы оказаться неоценимой. Наглядное значение слова, о котором, как о первооснове поэзии, писал А. Потемкин, выскочило бы из строки, из стиха, привлекло бы внимание ребенка, помогло бы воспитанию его природного языкового чувства, наконец — безусловно, подготовило бы его к восприятию тех сложных поэтических форм, которые становятся предметом изучения уже в пятом-шестом классах.

ПЕРВАЯ ПАУЗА

Итак, мы заканчиваем наши размышления над первым аспектом интересующей нас проблемы — восприятием детьми словесной игры,

обильно и щедро украшающей детскую поэзию. Как ни жаль расставаться с любимыми поэтами, но приходится ставить точку. Впрочем, как пошутил однажды А. Твардовский, «точка все же с запятой». Попробую объясниться.

Лет пятнадцать, а может быть, и более назад в «Литературной газете» было опубликовано письмо одного сердитого автора. Очень жалею, что мне не удалось сохранить этот номер, но смысл письма я запомнила совершенно точно. Автор выражал возмущение по поводу «Мухи-цокогухи» К. Чуковского. Он доказывал, что это вредное произведение, так как, во-первых, муха, как всем известно, вредное насекомое, которое следует уничтожать, а не воспевать, и во-вторых, эта книжка совершенно абсурдна, так как муха не могла выйти замуж за комара по причине их принадлежности к разным биологическим группам (или типам, или семьям — уже не помню). Под фамилией автора было добавлено: кандидат биологических наук.

На письмо отвечал Корней Иванович Чуковский, который терпеливо и абсолютно серьезно объяснял своему критику, в чем состоят особенности жанра сказки, в том числе и пародной сказки, почему хищные звери, например, могут выступать в сказочном сюжете в совершенно несвойственной им роли и почему, наконец, это обстоятельство никак не препятствует освоению детьми реального мира, его фауны в том числе. Ответ Чуковского сопровождался множеством примеров, ссылок на народную мудрость, на авторские сказки, я юмор замечательного поэта проявился, кажется, только в конце. Он подписался: К. Чуковский, доктор филологических наук.

Другой эпизод, свидетелем которого мне случайно пришлось оказаться. Когда вышла в свет уже упоминавшаяся книжка Хармса с иллюстрациями Лемкуля, купить ее было трудно, но все же можно. Узнав от друзей, что она продается в очень отдаленном книжном магазине в новом районе, я поехала туда. Мне повезло: книжка еще была в продаже. Видимо, имя Хармса в то время еще не у всех, как говорится, было на слуху. Счастливая, села я в трамвай, предвкушая удовольствие уже в пути погрузиться в чтение. За мной сидели две молодые женщины, тоже ставшие обладательницами новой книги для детей. И так же, как я, они открыли ее и стали читать. Перевернув страницы две-три (а первым шло стихотворение «Миллион»), одна из них раздраженно произнесла:

десять
тей ч
зие!
Я

вайн
Она ве
дснн
она ни

Поч
весной
тельную
Даже р
тельно,
нении.

убить, е
тельно.

Успе

прежде
радовать
услышат
подыгра
к уровню
многие п
всяком с

А мно
детской к
в пляс ем
ли, након
наспех, а
ребенком
мост посу
«Почитай,
«Ладно уж
играть сам
банивание
(все равно

— Чушь какая-то! «Да как встретились вдруг, стало восемьдесят вдруг». Я и то лучше бы написала. Выпускают же для детей черт-те что. Думают: если маленькие, то все можно. Безобразие!

Я обомлела. Но не вступать же в дискуссию со случайной трамвайной попутницей, да и смысла в такой дискуссии быть не могло. Она возмущалась искренне, ее интонации были интонациями убежденного человека. Стало ясно: своему ребенку эту «дурацкую» книгу она ни читать, ни показывать не станет.

Почему я сейчас об этом вспомнила? Потому что восприятие словесной игры, с которого начинается погружение ребенка в удивительную стихию родной речи, начинается не с его, а с нашего чтения. Даже развитые малыши, очень рано начинающие читать самостоятельно, первые свои книжки постигают в нашем, взрослом, исполнении. А любое, даже самое талантливое произведение можно убить, если прочитать его скучно, монотонно или хотя бы снисходительно.

Успех первых детских книг у их главных потребителей зависит прежде всего от настроения взрослого во время чтения. Мы должны радоваться и ликовать вместе с героями, мы должны помочь детям услышать тот ритм, который заложен в стихе, мы просто обязаны подыграть нашему ребенку и, если можно так сказать, приблизиться к уровню его восприятия. Иначе есть ужасная опасность обречь многие прекрасные произведения если не на непонимание, то уж во всяком случае на недопонимание детей.

А многие ли из молодых родителей знают наизусть хотя бы часть детской классики для самых маленьких? Многие ли готовы пуститься в пляс вместе со своим ребенком под чуковское «лимпопо»? Многие ли, наконец, готовы бросить какие-то хозяйственные дела, чтобы не наспех, а упоенно и вдохновенно (говорю это не шутя) окунуться с ребенком в детскую книгу? Разве редко бывает совсем иначе: мама моет посуду, а полуторагодовалый малыш вертится рядом и поет: «Почитай, почитай...» И раздраженная мать бросает дела со словами: «Надо уж, так и быть, почитаю одну сказку, а дальше будешь играть сам». Вслед за этим грозным предупреждением идет отбарабанивание текста — поскорей, поскорей, иногда пропуская строфы (все равно не поймет, маленький еще!), и за это ребенок должен

онать благодарен и хотя бы на час предоставить матери возможность заняться более серьезным делом.

Я глубоко убеждена: детское восприятие находится в прямой зависимости от нашего соучастия в нем. Сэкономленные при скороминутном чтении детской книжки минуты необратимы по своим последствиям. Вполне может сложиться и так, что после десяти, двадцати, пятидесяти таких сеансов взрослого чтения ребенку станет неинтересно это занятие, и он уже сам, а не под воздействием взрослых, сидит себе тихонько в уголке и будет играть с игрушками. И чем меньше шума при этом он произведет, тем более согреть материнское сердце. А потери окажутся невосполнимыми.

Гоголь когда-то воскликнул: Забирайте же с собой в путь, выходя из мягких юпошеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собой все человеческие движения, не оставляйте их на дороге: не подымете потом! Эти слова великого художника удивительно созвучны нашим размышлениям. И какое точное предостережение: «Не подымете потом!»

Может быть, эта, пауза в предмете нашего разговора объяснит и то внимание, которое хотелось мне обратить на широко известные поэтические произведения для детей, и то обстоятельство, что предыдущие главы содержали не слишком много практических советов. Перечитаем еще раз сами любимых писателей нашего детства, вспомним себя и, осознав всю тонкость и красоту их словесных, поэтических решений, подарим их детям как одно из величайших изшедших сокровищ.

А ТЕПЕРЬ ПОИГРАЕМ В СЛОВА

Среди самых приятных воспоминаний моего детства, например, такое: у мамы нет ночного дежурства в больнице, она вечером дома, закончила свои хозяйственные дела, и мы радостно зовем ее из кухни в комнату поиграть в слова. Чаще всего игра была очень известная, широко распространенная: берется какое-то большое слово, и из него «вытаскиваются» маленькие слова, которые можно составить из ограниченного набора букв, образующих большое слово. Я помню, что даже в раннем детстве мы знали все ограничения, существующие в этой игре. Можно писать только имена существи-

тельные, только нарицательные, только в единственном числе, за исключением тех, которые в единственном не употребляются.

Поначалу мы делали много ошибок — имею в виду не орфографические, а касающиеся правил игры. Скажем, какая-то буква встречается в исходном слове один раз, а мы находим такое слово, в котором она повторяется дважды. Игра требовала не только знания самих слов, не только уверенности в собственной грамотности, но и наблюдательности. Сейчас уже не помню, как мы, маленькие, учились правилам этой игры, но своим детям мы объясняли это так: «Представь себе, что каждая буква в слове — это отдельный кубик. Переставляя их, ты можешь из этих букв складывать другие слова. Но если буква «о» здесь встречается всего один раз, то уже слово «повод» или «провод» не получится, потому что на месте второго «о» останется дырка. Кубика-то второго не будет!»

Конечно, поначалу взрослые предлагали нам (а мы через много лет — своим детям) большие слова, включающие чуть ли не весь алфавит. Мне почему-то запомнилось, как мы детьми раскладывали слово «гидроэлектростанция». Это был какой-то кошмар! Даже нам, начинающим, не хватило больших листов бумаги, и в какой-то момент стало скучно. Было впечатление (наверное, точное), что конца игре не будет. Кажется, именно после этой «гидроэлектростанции» я поняла, что в этой игре нужно напряжение, а для этого требуются слова более короткие, с меньшим количеством букв.

Потом все по очереди читали свои списки. Те слова, которые хотя бы у двух игроков совпадали, мы вычеркивали. А потом подсчитывали оставшиеся и определяли победителя. Ясно, что совпадали, как правило, самые легкие и самые короткие слова, а в детстве нам не возбранялись и трехбуквенные. И вот из слова в слово переходили кот, ток, мир, рис, дом и т. д. Пока, наконец, начавшим это не надоело, и мы усложнили игру: трехбуквенные слова писать перестали. А главное — старались разыскать в составе заданного слова что-то поинтереснее, посложнее. И не только для лишних очков, но и для собственного удовольствия. Интересные, неординарные слова доставляли нам такую радость, такое удовольствие! И радовались мы не только собственным находкам, но и находкам друг друга.

что в него вошли все буквы пачального слова, только в другом порядке. Мы потом долго вспоминали, как ромашка превратилась в моникару. Конечно, иногда и это занятие начинало казаться монотонным, и мы оживляли его тем, что за исходные слова брали фамилии друг друга. Это было забавно, помогало как-то разрядиться среди рабочего дня и доставляло удовольствие.

Если же говорить о детях, то для них такая игра чрезвычайно полезна. Хорошо, если участники ее равны по возможностям — ровесники или дети одной семьи с небольшой разницей в возрасте. Тогда не будет слишком больших огорчений. В самом деле, сложно ли взрослому человеку «перенграть» семи-восьмилетнего партнера? Нет, взрослому лучше выступить в качестве консультанта, арбитра, третейского судьи. Очень забавно бывает, когда маленькие по очереди подбегают к тебе и на ухо спрашивают, как пишется то или иное слово и есть ли вообще такое слово. В этой игре малыши легко и без напряжения наращивают свой словарный запас, а заодно повторяют правила правописания. Конечно, им нужно предлагать слова с наиболее популярными буквами, не усложняя, а облегчая задачу. Потому что если с первых шагов они ничего не смогут придумать, если сначала испытают не азарт, не интерес, а непреодолимые сложности, то им станет скучно. Усложнять характер игры следует постепенно — тогда и польза будет максимальная.

Чем еще привлекательна эта игра? Тем, что для нее не требуется никаких особых условий, ни тем более специальных приспособлений. Лист бумаги и ручка или карандаш. Можно играть дома за столом, в вагоне поезда, на пляже, на привале в турпоходе, в очереди за театральными билетами — где угодно. Можно в любой момент начать игру и в любой момент ее прервать — все участники будут в равном положении, и не возникает никаких обид. А если в детстве ребенок приохотится к такой игре, то он и взрослым с удовольствием нет-нет да и вспомнит ее и предложит друзьям: «Разомнемся? Поиграем в слова?»

Многие дети знают и любят эту игру, так же как и другую, не менее популярную у школьников, которая называется «балда». Интересно бы узнать, кто ее придумал и кто дал ей такое наименование. В школьные годы и наше поколение не прошло мимо нее. Она выглядит так: один из участников пишет любую букву, каждый

следующий присисывает соответственно по одной букве с любой стороны. Задача вполне конкретная: постараться сделать так, чтобы на тебе не закончилось слово. Выигрывает тот, кто не пропускает ни одного хода (а дело в том, что добавляя букву, ты должен точно знать, какое слово ты имеешь в виду) и на ком реже других заканчивается каждый очередной тур игры.

Когда играющий пропускает свой ход? Естественно, тогда, когда он не может уловить ни одного возможного слова, частью которого являются уже возникшие буквы. Как-то мы играли в «балду» с моими одноклассниками, и один из нас после уже написанного «-мос-» добавил «о»: «-мосо-». Никто из партнеров не мог сообразить, во что дальше может превратиться это сочетание букв. Пытались подставлять что-то в начало — не получается. Пытались продолжать — опять не выходит. Мы уже начали изощряться в остроумии: «мособувь», «мосодежда», «мособл... что-то», но в конце концов нам это надоело, и мы решили, что мальчик, добавивший это «о», не мог иметь в виду ничего конкретного. Ситуация была такая, что или мы все, пропуская ход, теряем по очку, или он теряет это очко, если продолжил игру бездумно, без расчета на будущее слово. В проигрыше оказались мы, потому что он задумал слово «мосол», которого, как ни странно, никто из нас тогда не знал. А учились, кажется, в девятом классе.

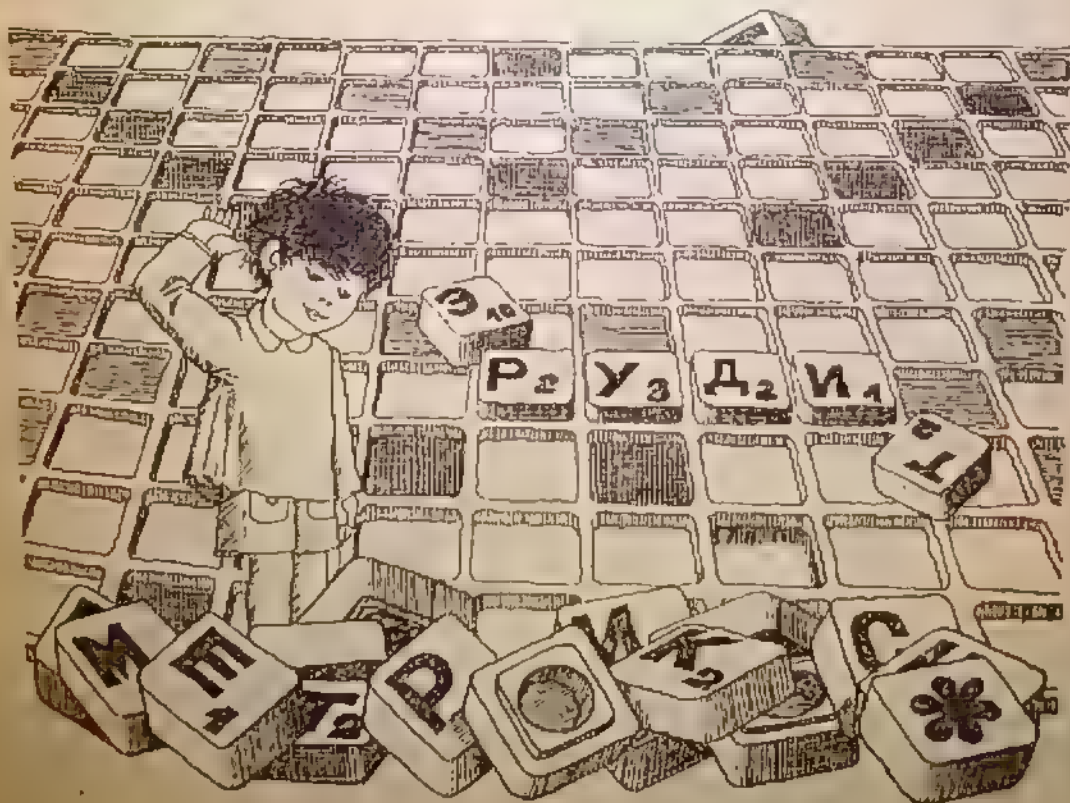
Название игры «балда» объясняется очень просто: каждое потерянное очко — это одна буква из «балды» против имени участника. Чем скорее составится слово «балда», тем быстрее выходит из игры носитель этого почетного звания. Выигрывает, естественно, тот, кто остается последним.

Может показаться, что игра эта незатейлива, мало интересна, но и в ней есть, что называется, свои подводные камни. Главная трудность состоит в том, что в русском языке очень много коротких (трехбуквенных или четырехбуквенных) имен существительных, и порой легко попасться на эту удочку. Допустим, игра только началась, возникло сочетание из двух букв — ну хотя бы «ра». Игрок, имея в виду какое-то интересное слово и посчитав в уме, что оно закончится не на нем, добавляет следующую букву, но тут бдительные партнеры радостно кричат: «Слово!» В самом деле: раб, рог, род, рок, ром, рот — это полиценные имена существительные.

и стало быть, слово закончено. Попробуйте сами повторить эту нехитрую операцию с какими-то другими сочетаниями букв, и вы увидите, что в этой игре есть и сложности, и интерес.

Но вот одна игра, на которой хотелось бы остановиться подробнее. Сначала — несколько предварительных слов. Кто в наше время не увлекается разгадыванием кроссвордов? Даже те читатели газет, которых никак нельзя отнести к энтузиастам этой разновидности досуга, иногда отдают дань всеобщему увлечению. Все больше становится газет и журналов, регулярно предлагающих своим читателям кроссворды, крестословицы и другие разновидности этой игры. Не составляют исключения и детские журналы, в том числе «Веселые картинки», иногда приглашающие читателей разгадывать простейшие пересечения шести-восьми слов. Кроссворды стали буквально неотъемлемой частью нашего быта.

А пытались ли вы когда-нибудь составить кроссворд? Если нет — попробуйте, и вы увидите, что это очень непросто, особенно учитывая необходимую симметрию и то же самое ограничение,

которое встречается почти во всех словарных играх: только имена существительные. Правда, в кроссворде не возбраняются собственные имена, но и эта «льгота» не слишком упрощает задачу. Самому придумать кроссворд — дело кропотливое, сложное, долговременное. Но польза от такой игры несомненна, и, наверное, учитывая это, наша промышленность пошла навстречу интересам многих и многих и начала выпускать замечательную интеллектуальную игру, которая имеет два варианта названия: «Эрудит» или «Мыслитель». Игра состоит из квадратной доски, разделенной на клетки, и набора квадратных фишек с обозначением букв. Размер фишки точно соответствует размеру клетки. Формат доски бывает достаточно большим, и фишки с буквами — крупные, бывает поменьше, а иногда — совсем портативный, предназначенный для использования в походных условиях или в дороге.

Достоверно знаю, что купить эту игру довольно трудно. Во всяком случае, многие мои друзья привозили ее из Ленинграда, и для тех, кто часто ездит в Ленинград, такой заказ стал уже привычным.

В чем же состоит игра? Ее условия подробно разъясняются в руководстве, вложенном в коробку. Главное — начиная с первого слова, выложенного на игровом поле, все остальные должны так или иначе с ним взаимодействовать: продолжать уже написанное в ту или другую сторону, пересекать его, «вытекать» из него или «вливаться» в одно из возникших слов. Короче говоря, здесь соблюдается главный принцип кроссворда (вспомним, что кроссворд в переводе с английского означает — пересекающиеся слова). В основном наборе букв наиболее часто встречающиеся, особенно гласные, представлены в значительно большем количестве, чем относительно редкие буквы, а есть такие (ф, ю, ц, ш, щ, ь), которые представлены в единственном экземпляре. Соответственно, отличается «цена» буквы: часто встречающиеся и легко употребляемые стоят одно очко (а, о, и, н и т. д.), более редкие — два, три, пять очков, а те которые мы упомянули в самом начале — по десять очков. Есть и другие чисто игровые условия. Некоторые клетки на игровом поле покрашены в разные цвета и это существенно при подсчете очков. Зеленая клетка удваивает «стоимость» буквы, желтая утраивает, синяя удваивает, а красная утраивает «стоимость» слова. Конечно, эти условия сообщают игре увлекательность, потому что каждый из

игроков старается не только придумать интересное слово из ограниченного количества букв, но и расположить его с выгодой для себя. Знаю, что многие любители этой игры едва ли не главной задачей ставят поражение партнера, а потому иногда предпочитают выбрать менее интересный вариант, чтобы помешать сопернику реализовать свой, выгодный и интересный. Ведь по правилам игры конечная задача состоит в том, чтобы набрать как можно больше очков.

Мы тоже какое-то время играли именно так, но потом нам это надоело, и мы выдвинули лозунг: «За красоту!» Никто не прячет друг от друга имеющиеся у него буквы, и все заинтересованы не столько в собственном успехе, сколько в изяществе словесного и графического рисунка, образующегося на доске. Поэтому порой бывает и так: кто-то выкладывает очередное слово, а партнер торопится его остановить: «Ну посмотри внимательнее, у тебя же есть вариант поинтереснее!» Все более втягиваясь в эту игру, мы ввели в нее свои собственные дополнительные правила. Например, мы осуждаем тех, кто составляет трехбуквенное слово, не имеющее продолжения, или тех, кто «запирает» возможность какого-либо интересного, перспективного варианта. Мы увидели, например, что «ъ» часто оказывается неиспользованным до конца игры, поэтому мы «повысили» его до 20 очков и оставляем всегда повернутым лицевой стороной: его может взять любой игрок, в любой момент, когда возникает вероятность слова с твердым знаком. Наверное, это неизбежно, что в такой игре ее участники стихийно начинают додумывать предложенные правила. Фантазия детей, их грамматические познания очень активно закрепляются при игре в «Эрудит».

Во-первых, исправляется каждая их ошибка, если она возникла. Во-вторых, они сами, испытывая порой неуверенность, обращаются к нам с бесконечными вопросами. В-третьих, и это особенно важно, постепенно они приучаются пользоваться словарями. Конечно, совсем маленькие дети, дебютанты «Эрудита» вряд ли смогли бы сразу освоить эту премудрость. Ведь такую игру можно ввести в обиход даже первоклассника, который дальше трех-четырехбуквенных слов сможет продвинуться нескоро. Но дети постарше, постоянно расширяя диапазон своих языковых представлений, естественно расширяют и тот активный запас слов, которым они в состоянии

обходно оперировать. Вот тогда-то, в пятом-шестом классе, самое время перейти с позиций консультанта и советчика на позиции наставника, приучающего ребенка к работе со словарем.

Пожалуй, трудно сегодня представить себе дом, в котором не было бы справочной литературы. Но вот вопрос: часто ли даже старшеклассники умеют пользоваться словарями? Казалось бы, что здесь трудного? Что уметь? Бери словарь, открывай на нужную тебе букву и находи то слово, которое почему-либо необходимо проверить. Все просто, но оказывается, что порой даже хорошие ученики не четко понимают разницу между, например, толковыми словарями и энциклопедическими словарями, а уж в диапазоне толковых словарей вообще путаются ужасно. Что говорить о старшеклассниках, если даже студенты университета не всегда могут ответить на вопрос, чем же отличаются эти издания. Отсюда и неизбежные неудачи. Допустим, возникло у ребенка какое-то затруднение в написании слова, он снял с полки энциклопедию, а слова этого найти там не может. И уже готов подвергнуться суровой критике составителей, небрежно выполнивших свою задачу. А составители ни при чем, интересующего нашего неудачника слова там и быть не могло. Дело лишь в том, что он не по адресу обратился. Бывает и по-другому: правописание слова ребенок ищет в словаре русского языка, например, С. И. Ожегова, а этот замечательный словарь «утаивает» истину точно так же, как энциклопедический. И нашему «искателю» даже не приходит в голову заглянуть, например, в словарь иностранных слов.

Вернемся, однако, к «Эрудиту» и другим словарным играм. В какой-то момент очень важно бывает впервые отослать ребенка к словарю, вместе с ним найти ответ на тот грамматический или смысловой вопрос, с которым он обратился к взрослым. Показать ему, как это делается, и через некоторое время наш эрудит уже сам с удовольствием будет рыться в словарях. Надо ли говорить о том, как замечательно это помогает узнать новое, закрепить старое. Да и запомнится лучше, чем если мы просто подскажем ему, в чем ошибка. Он ее, конечно, исправит, но в детском сознании она может и не зафиксироваться.

Среди советских читателей, бесспорно, много поклонников писателя Джона Стейнбека. В свое время его роман «Зима тревоги нашей»

шей» был популярен у нашего читателя. Но я не уверена в том, что многие запомнили небольшой кусочек из стейнбековского романа, где главный герой Итен Хоули вспоминает свою покойную тетку. Позволю себе напомнить это место, которое удивительно созвучно нашим теперешним размышлениям.

«Тетушка Дебора, ребенком посылавшая меня на Голгофу, была точна, как машина, во всем, что касалось слов. Она не терпела тут ни малейшей расплывчатости, неясности и требовала того же от меня. Сколько силы было в этой старой женщине! Если она жаждала бессмертия, она его обрела — в моей памяти. Когда она первый раз увидела у меня в руке камешек с причудливой извилиной, по которой я водил пальцем, она сказала:

— Итен, эта заморская диковина может стать твоим талисманом.

— А что это такое — талисман?

— Если я тебе скажу, у тебя в одно ухо войдет, в другое выйдет. Посмотри в словаре.

Сколько слов укоренилось в моем обиходе благодаря тетушке Деборе, которая всегда сперва старалась заинтересовать меня непонятным словом, а потом заставляла самостоятельно доискиваться до его значения. Я, конечно, ответил:

— Очень нужно!

Но она хорошо знала, что я полезу в словарь, и еще раз произнесла — с расстановкой, чтобы мне легче было запомнить:

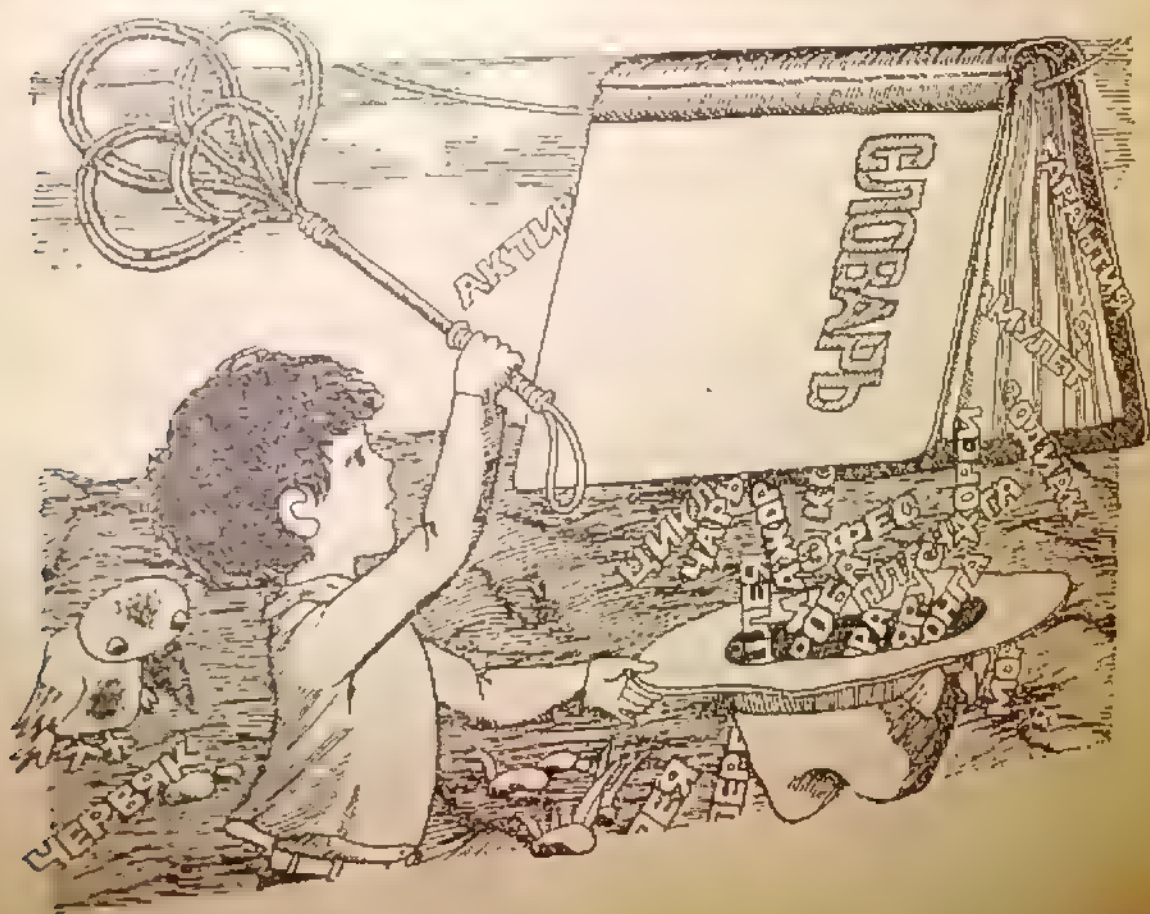
— Та-лис-ман.

Она с глубоким уважением относилась к словам, и небрежное обращение с ними раздражало ее так же, как небрежное обращение с любой хорошей вещью. И сейчас, столько лет спустя, я словно вижу перед собой страницу словаря со словом «талисман». Арабское написание было для меня просто извилистой линией с кружком на конце. Греческое я мог прочесть благодаря той же неутомимой тетушке Деборе. «Камень или другой предмет с выгравированными на нем буквами или рисунками, которому приписывается оккультная сила, связываемая с влиянием планет или знаков зодиака, часто носит, как амулет, могущий, по поверью, оградить от зла или принести удачу». После этого мне пришлось искать в словаре «оккультный», «планеты», «зодиак», «амулет». Так бывало всегда. Одно

слово поджигало десяток других, как шутки, нанизанные на нитку».

Мне очень хотелось немного сократить эту слишком длинную цитату, но, право же, жаль, было выбрасывать хоть одно слово из этого неожиданного, такого образного и замечательного гнича во славу словарей. Все в размышлениях и воспоминаниях героя абсолютно справедливо. Именно так, в активной, самостоятельной, творческой работе со словарями, ребенок не стихийно, а сознательно входит в бесконечные пределы языка, постигает его тонкости, его природу, его сложность. Только в таком (конечно, напряженном) общении с языком сможет выработаться у человека глубокое уважение к слову, гарантия бережного с ним обращения, которое было свойственно героине Стейнбека.

Поиграем в слова? Поиграем! Забудем ненадолго свою кухонно-уборочную суету и придем к нашим детям не с унылыми лицами, на которых нависла обреченность, а радостно, чтобы они, загорелись от нашего энтузиазма, чтобы увлеклись, чтобы полюбили слова, их звучание, их смысл.

Игры, о которых шла речь выше, известны многим. И если я напомнила о них сейчас, то лишь потому, что они порой забываются, уходят из активной памяти, а значит, и из обихода. Но вот сравнительно недавно мне довелось узнать одну очень интересную игру, которую принесли в наш дом школьные друзья моей дочери. Не знаю, давно ли она возникла и кто ее автор. Может быть, даже сами ребята, которые стали активными ее поклонниками. Называют они ее — игра в ассоциации. О правилах придется рассказать подробно.

Участвуют в игре две команды по два человека. Представим, что их зовут Аня и Ваня (одна команда) — Маша и Миша (другая). Они должны сесть таким образом, чтобы сказанное соседу шепотом слово не было услышано другими. Но при этом они разделяются на пары не в соответствии с составом команд, а наоборот. Например, Аня садится рядом с Мишей, а Маша — с Ваней.

Кто-то из участников загадывает слово (как всегда, имя существительное) и говорит его своему соседу, то есть противнику. Тот должен (уже не шепотом, а вслух) произнести какое-то другое слово, по ассоциации с которым его партнер сможет отгадать задуманное. Если партнер не отгадал и его вариант оказался неверным, то в игру вступает первый участник — тот, кто загадывал слово. Он предлагает новую ассоциацию, но уже своему партнеру. Положение этого «отгадчика» лучше, потому что он слышал одну версию, сейчас получает вторую, и теперь от его сообразительности зависит соединить, совместить эти две ассоциативные связи. Бывает, что именно этот второй и оказывается победителем, но иногда один тур игры продолжается довольно долго, усложняя положение тех игроков, которые предлагают все новые и новые слова, ожидая единственно правильного ответа от своего партнера. Система подсчета очков — это уже дело техническое. Попробую проиллюстрировать рассказанное на конкретном примере.

Итак, у нас две команды. Аня загадала какое-то слово, сказала его сидящему рядом Мише, и тот после короткой паузы произносит: «Баба». Задача Маши — догадаться, по ассоциации с каким словом возникла эта «баба». Маша, подумав, говорит: «Дед». Выясняется, что это неверно. Теперь очередь Ани предложить новую ассоциацию с тем же самым словом, но уже своему партнеру. Она предлагает:

«Стенка». Ваня, таким образом, располагает уже двумя словами, которые как-то ассоциируются с загаданным. Что может одновременно соединиться в сознании со словами «баба» и «стенка»? Сразу сообщать довольно трудно. И через некоторое время Ваня выдвигает свой вариант: «Спекулянтка». Почему? Да потому, что «стенка» по-прежнему, как предмет интерьера, а «баба» — либо как покупательница, которая не может осуществить свою мечту, не прибегая к услугам спекулянтов, либо, что вероятнее, как спекулянтка, наживающаяся на этих самых стенках. В общем, логично, но снова неверно. Теперь опять очередь Миши, и он предлагает следующую ассоциацию: «фасоль». Ну, после этого догадаться уже совсем легко, Маша уверенно говорит «горох», и их команда выигрывает.

Давайте продолжим, как возникали предлагавшиеся к осмыслению слова. Миша, услышав «горох», прежде всего вспомнил: «Баба сеяла горох» — откуда его «баба». Аня, вступив в игру постаралась оживить фразеологизм: «Как об стенку горох» — отсюда «стенка». Когда после этих не имевших успеха ассоциаций со словом «горох» было предложено «фасоль» — не отгадать было бы совсем стыдно.

Наблюдая, как ребята играют в эту игру, я поняла, сколько интересного она таит. Ведь все дело в том, что своему партнеру участники должны предлагать не синонимы, а именно ассоциации. Процесс угадывания становится размышлением, активным напряжением ума, часто требует юмористического подхода к решению, хотя именно чувство юмора и подвело Ваню в его варианте «спекулянтки». Особенно трудным становится положение участников, когда загадываются какие-то отвлеченные понятия типа «бытие», «сознание» и т. д. Помню, однажды они очень долго бились над какими-то словом из этого ряда, но так и не угадали, а когда выяснилось, что же было задумано, то все аж подпрыгнули: так много было предложено замечательных, точных ассоциаций, и странно было, как же никто не догадался. Знаю, что друзья моей дочери, уже давно не школьники, а без пяти минут выпускники вузов, очень любят собравшись вместе, вспомнить эту игру, находят в ней радость и удовольствие. Среди них и будущие математики, и будущие врачи, и журналисты, и психологи, но в этом они сходятся и потом с увлечением рассказывают, как шла игра, кто что предлагал, какие

верени были наиболее остроумными — короче, относятся к этому, как к своеобразной умственной зарядке.

Поиграем в слова? С удовольствием!

Поиграем в ассоциации? Давайте!

Сыграем в «Эрудит»? Непременно!

«РИФМА, ЗВУЧНАЯ ПОДРУГА...»

В послевоенные годы было в Москве замечательное место — городской Дом пионеров в переулке Стопани, недалеко от Кировских ворот. Собственно, возник он намного раньше, задолго до войны, но мне помнятся именно те, послевоенные годы, потому что на них пришлось наше детство и потому что именно тогда Дом пионеров стал частью нашей жизни. Был он невелик, очень уютен, размещался в старинном здании с множеством маленьких лесенок и переходов, и в наш литературно-творческий кружок вела последняя, в несколько ступеней лестница.

Нас было не так уж много, но любовь к кружку, к нашим регулярным (дважды в неделю) встречам, к нашим вечерам и праздникам приводила к тому, что, уже выйдя из пионерского возраста, мы до самого окончания школы продолжали наши занятия. Руководила кружком Вера Ивановна Кудряшова, человек удивительный, страстно преданный делу, очень гордившийся, если кто-нибудь из ее воспитанников становился настоящим литератором. Помню, как в годы нашего детства она любила рассказывать нам о Сергее Баруздине, который к тому времени уже выпустил несколько книжек и о котором тепло отзывались многие маститые писатели.

Конечно, далеко не все становились профессионалами. Пожалуй, меньшинство. Но дело ведь было не в этом. Нас приводила в кружок любовь к литературе, желание услышать, кто из нас что написал за последнее время. Все написанное читалось, обсуждалось, а лучшее показывалось на торжественных годовых отчетах кружка. Какие-то детские стихи попадали на страницы печатных изданий, и Вера Ивановна бывала счастлива вместе с нами.

Прошло много лет с тех пор, но и сегодня каждый успех в литературе любого из «наших» радует, заставляет вспомнить о тех светлых днях, когда мы засиживались до глубокого вечера и из

гардероба приходили напомнить, что вообще-то Дом пионеров давно закрылся, все разошлись, и только мы нарушаем все установленные правила.

Как давно все это было! Многие детали стерлись в памяти, но многое и осталось. Когда в выступлениях критики громко зазвучало имя Натальи Рязанцевой, мы радовались этому, как своему успеху. Фильмы по ее сценариям («Крылья», «Чужие письма», «Голос») становились событием, будили в зрителях нравственное чувство, а мы вспоминали, как однажды Ираклий Андроников, услышав стихи Наташи, был пленен ими и буквально вслед за последней строкой воскликнул: «Девушка, подарите мне это стихотворение!» Когда, уже закончив медицинский институт, поработав врачом, Григорий Горин вернулся к главному увлечению своего детства и очень быстро стал одним из популярнейших сегодня писателей, мы вспоминали Гришу тех далеких лет, одного из немногих, кто еще в детстве пробовал писать поэзию и почему-то очень смущался на наших годовых отчетах. Когда я увидела имя Натальи Завьяловой на одной из книжек издательства «Знание» и неожиданно выяснила, что мы с ней оказались авторами и энтузиастами одной и той же серии, было чувство радостной встречи, как будто и не прошли годы, как будто и мы не изменились.

А когда-то мы все приежались в наш кружок, читали свои и чужие стихи, готовили доклады о литературе, встречались с замечательными писателями и... играли в игры. Эти игры могли быть разными: пародии и шаржи друг на друга и на достаточно известных поэтов, различные стихотворные шутки, наконец, игра, которую мы воспринимали, как своего рода разминку, и очень любили. Только много позже я узнала, что любовь в этой игре была свойственна многим замечательным литераторам, и было приятно: мы вроде бы приобщались к клану великих. Называется она «буриме», и означает это слово — стихотворение на заданные рифмы. Эти рифмы могут быть кем-то специально придуманы, а могут быть извлечены из любого сборника, из любой антологии. Этот второй вариант нам всегда казался более интересным, потому что, сочинив и зачитав свои вирши, мы имели возможность тут же проверить, а что же это были за стихи, которые мы превратили в нечто, совершенно непохожее на оригинал. Неожиданности при этом были двух родов: или

из-под нашего пера выходило что-то совсем противоположное исходным строфам (не только по теме, но и по размеру), или вдруг у всех складывались четверостишия, совершенно совпадающие с размером оригинала. Вот это-то и было загадкой. Оказывалось, что иногда даже рифма способна буквально продиктовать, навязать определенный ритм стиха. Понять, почему это так, мы не могли, да и сейчас для меня в этом есть какая-то тайна.

Кому из ребят старшего школьного возраста мне ни приходилось рассказывать об этой игре, все непременно увлекались ею, и пытались попробовать свои силы, и бывали неизменно довольны. Буриме входило в их дружеский обиход, а порою делало их встречи не только более содержательными, но и более веселыми.

Я упомянула о старшеклассниках, но и детей более младшего возраста можно приохотить к такой форме досуга. Конечно, у них не все сразу получится, могут возникать какие-то ритмические неловкости, но зато на промахах они будут понимать не только свои ошибки, но и незаметно для себя усваивать хотя бы простейшие законы стиха.

Ведь рифма сама по себе способна и привлекать, и очаровывать, и даже, может быть, приколдовывать. Дети чувствуют обаяние созвучных слов и строк очень рано, часто сами начинают рифмовать еще в младенчестве. Поддержать этот интерес очень важно, ибо чувство рифмы, как и чувство ритма, одна из ступеней на пути к пониманию поэзии, ее условности, ее особого языка. Открытие рифмы было, вероятно, одним из самых замечательных открытий человечества. «Рифма, звучная подруга вдохновенного досуга, вдохновенного труда...» Это знаменитое пушкинское определение рифмы как нельзя точнее соответствует нашим сегодняшним размышлениям. Конечно, не о вдохновенном труде поэта идет у нас речь, а о той форме общения, которую Пушкин так чудно назвал вдохновенным досугом. Играя в буриме, мы отдыхаем, веселимся, ждем друг от друга неожиданностей и радуемся удачам.

Конечно, наши детские опыты не сохранились, и я не могу даже вспомнить, какие рифмы и каких поэтов мы использовали, как свой, так сказать, рабочий материал. Но кое-что из нашего семейного и дружеского архива за последний год я сохранила, чтобы показать, как это бывает в конкретных ситуациях.

А однажды у нас получилось совсем забавно: на весьма нейтральные рифмы почти все участники игры написали по два стихотворения: одно лирическое, другое ироническое. Поскольку нас было много, воспроизвести все опыты просто невозможно. Приведу наиболее характерные и контрастные по настроению. Рифмы были заданы следующие: наполнило, сквозной, припомнила, твой; оснеженная, тепла, бессонная, спала. Таким образом, нам надлежало придумать по стихотворению из двух четверостиший. Начну с лирического.

Сердце мне наполнило
Радостью сквозной,
Я опыт припомнила
Милый образ твой.

Роса оснеженная
Греет тепла
И шумит, бессонная,
А вчера спала.

Следующий опыт, который я приведу, это, так сказать, середина между чистой лирикой и совсем ироническими стихами.

Мое сердце печалью наполнило,
И в душе бродит ветер сквозной,
Вот и мама сегодня припомнила,
Что мы примус-то продали твой.

Ни воды не согреть. Оснеженная,
Мама спит третий день без тепла.
Для меня ночь, как прежде, бессонная.
Ну и пусть, лишь бы мама спала.

После этого перехода в другую тональность позволю себе привести еще один пример сочинений на те же рифмы.

Подозрение душу мне наполнило,
Будто ветер просвистел сквозной.
Я так явственно, отчетливо припомнила
Жалкий вид и взгляд блудливый твой.

За окном дорожка оснеженная,
И в душе ни капельки тепла.
Пусть тебя измучит ночь бессонная —
Месть за то, что ночь я не спала.

Боюсь, что я замучила читателей примерами, но, чтобы закончить, надо все-таки открыть авторство и содержание стихов, от которых мы отталкивались. Это Анна Ахматова. Стихотворение называется «8 ноября 1913 года».

Солище комнату наполнило
Пылью желтой и сквозной.
Я проснулась и припомнила:
Милый, нынче праздник твой.

Оттого и оснеженная
Даль за окнами тепла,
Оттого и я, бессонная,
Как причастница спала.

Предвижу недоумение некоторых читателей: а зачем это нужно? Ну пусть в такие игры играют литераторы, пусть себе балуются, им это вроде бы положено, а нам-то зачем? На это отвечу: среди авторов приведенных мною упражнений нет ни одного профессионального поэта, более того — далеко не все имеют отношение к каким-либо другим формам литературного труда. Среди нас были химик, программист, студент-медик и т. д. И всем было (и всегда бывает!) очень интересно. Игры, подобные буриме, удивительно раскрепощают человека, учат не бояться слова, заставляют искать синонимы, если какое-нибудь слово, подходящее по смыслу, ломает размер стиха или выпадает из общего стилистического рисунка. А кроме того, все подобные игры оттачивают, воспитывают чувство юмора, остроумие, которое, как считали многие мудрецы, самоценно.

Выше я обмолвилась о клане великих, к которым приобщаемся мы вместе с нашими детьми, вводя интеллектуальные игры в свой домашний обиход. Чтобы это не показалось сказанным всуе, ради красного словца, сошлюсь опять-таки на авторитет «Чукоккалы», в которой не одна страница отведена буриме. Корней Иванович вспоминает, как он встречал Новый — 1920-й — год в Доме искусств с молодыми писателями, бывшими слушателями литературной студии. Прямо за праздничным столом затеяли игру в буриме. Первую премию получил Михаил Слонимский, вписавший позднее свое сочинение в «Чукоккалу».

Для нас Чуковский — Новый год,
Его мы с радостью встречаем,

Он хоть и сед, но не урод,
Что мы угощаем чаем.

И длиннорук, как канделябр,
И громогласней громких арий,
Длиннее самых длинных швабр,
Он радостен, как пролетарий.
А завтра он — какой позор! —
Стоит торжественный, как ода,
Но склонный хрустнуть, как фарфор,
В дверях Компрос — Комбед — Компрода.

Если мы пройдем по окончаниям строк в этом шуточном стихотворении, то увидим, что сами рифмы были придуманы нарочито смешно, чтобы заранее настроить соревнующихся на веселый новогодний лад. Здесь перед нами пример «чистого» буриме, когда за предлагаемыми рифмами не стоят ничьи стихи. Рифмы в таких случаях придумываются либо коллективно, либо кем-либо из участников. Конечно, такие пары, как год — урод, канделябр — швабр, арий — пролетарий, не могли послужить толчком к созданию серьезных стихов. Да и странной была бы такая задача за новогодним столом.

Смешно было бы призывать наших детей подражать мастерам даже в этих играх, но научиться чему-то можно. К примеру, любое буриме может быть осложнено конкретной задачей: в сюжет стихотворения необходимо включить какие-то факты, эпизоды, события, касающиеся кого-либо из участников игры. Это будет труднее, чем просто сочинить буриме, но и гораздо интереснее, особенно если все сочиненные ребята стихи будут посвящены герою дня — например, имениннику. Представляете, какой это будет прекрасный подарок на день рождения? И как потом, через годы, собравшись вместе уже взрослыми людьми, наши дети перечитают эти свои детские шуточные опыты, и посмеются, и порадуются? Право же, стоит попробовать.

А вот еще одна замечательная разновидность подарка — акrostих. Так называется стихотворение, каждая строка которого начинается на определенную букву. Прочитанные затем подряд, эти буквы должны составить какое-то определенное слово. В истории мировой поэзии форма акrostиха использовалась как один из вариантов посвящения, и из первых букв строк составлялось имя того, кому

они написаны. Но это может быть не только имя. В начале этого учебного года студенты нашего факультета журналистики устроили интересное соревнование, которое они называли интеллектуальными играми. Среди других заданий участникам конкурса было предложено написать акrostих на слово «журналистика». Дети же, особенно старшеклассники, по общей договоренности могут преподнести своему товарищу небольшое собрание поздравительных стихов (акrostихов), в основе которых будет имя юбиляра. В зависимости от имени, это может быть продумано вариантно: только полное имя (скажем, Александр, Светлана) или имя и фамилия, если само имя коротко и недостаточно для стихотворения. Как бы то ни было, это и приятно, и неожиданно, и куда памятнее, чем традиционная поздравительная открытка с повторением стандартных пожеланий здоровья, успехов в учебе и т. д.

Безусловно, названные игры доступны прежде всего старшеклассникам. Но не надо исключать возможность подступов к ним с самого младшего возраста. Пока дети совсем маленькие, они интуитивно тянутся к стихам, предпочитают их всему остальному. И рифму они чувствуют прекрасно. Многие родители убеждались в этом на примере своих детей. Порой, забыв окончание строки, малыш с легкостью находит другое слово, рифмующееся с окончанием предыдущей строки. Но вообще дети с необычайной легкостью запоминают именно рифмы. Вспомните: их первые книжки, первые стихи в их жизни рассчитаны именно на то, что взрослый читает строку, но не до конца. Последнее, рифмующееся слово радостно выкрикивает ребенок. Он буквально ждет рифмы, ему нравится, что слова звучат похоже. И радуется он поначалу не столько смыслу, сколько этому прекрасному созвучию.

Моей дочери было полтора года, когда мы впервые прочитали стихи о пане Тралиславе Трулялиньском. Особенный восторг вызывали у нее строчки со всевозможными вариациями на тему «тру-ля-ля». «С ним и тетка — Трулялетка, и дочурка — Трулялюрка, и сынишка — Трулялишка, и собачка — Трулялячка» и т. д. А конец стихотворения, где этот лейтмотив становится единственным, приводил мою маленькую дочку просто в экстаз: «Все шоферы — Трулялеры, почтальоны — Труляльоны, футболисты... Сам учитель — Трулялитель, а ребята — Трулялята!» Она, конечно, еще

не знала многих слов из этого стихотворения, и не смогла бы ответить на вопрос, кто такие почтальоны или футболисты. Но это было неважно. Она и произнести-то толком не могла, а говорила: «Та-ля-ля, Талялинский». И вот мы с ней продолжили игру, предложенную Юлианом Тувимом и его переводчиком Борисом Заходером. Я приносила какую-нибудь произвольную строчку, а она подхватывала:

- Все игрушки...
- Талялюшки!
- Ну, а книжки?
- Талялишки!
- А Агата?
- Таляпопа!

И так могло продолжаться до бесконечности, пока у меня не исчерпывался запас подходящих слов. Долгое время это было нашим любимым занятием, причем она включалась в него безо всякой подготовки. Можно было вдруг, неожиданно бросить ей какую-то фразу, и она тут же подыгрывала, и всегда безошибочно.

Тренировать чувство рифмы у ребенка можно и по-другому. Читая новые, незнакомые стихи, пропускать последнее слово в четверостишии, чтобы малыш сам догадался, что нужно произнести. Конечно, в таких упражнениях удобны стихи с очевидными, напрашивающимися рифмами. А таких немало у хороших детских поэтов. Вспомним хотя бы короткие стихи Агнии Барто для самых маленьких:

Наша Таня громко плачет:
Уронила в речку мячик.
— Тише, Танечка, не плачь:
Не утонет в речке мяч.

Давайте отбросим последнее слово, оборвем строку с интонацией ожидания, и любой ребенок — уверяю вас! — сообразит мгновенно и подхватит: «Мяч!».

Уронили мишку на пол,
Оторвали мишке лапу.
Все равно его не брошу —
Потому что он хороший.

Ни один ребенок не ошибется в последней рифме, не скажет любимый, или добрый, или мохнатый. Слово «хороший» само вы-

сходит, как будто только и ждало этого мгновения.

Даниил Хармс отлично знал эту способность маленьких детей и как будто специально для такого упражнения написал небольшое стихотворение с точками вместо рифмующегося слова. Он словно приглашает детей к соавторству, и все дети с благодарностью и удовольствием включаются в эту игру.

Стихотворение называется «Очень-очень вкусный пирог»:

Я захотел устроить бал,
И я гостей к себе ...

Купил муку, купил творог,
Испек рассыпчатый ...

Пирог, ножи и вилки тут —
Но что-то гости ...

Я ждал, пока хватало сил,
Потом кусочек ...

Потом подвинул стул и сел
И весь пирог в минуту ...

Когда же гости подошли,
То даже крошек ...

Насколько мне известно, никто из детских поэтов, кроме Хармса, не предлагал детям стихов в таком варианте. Но за них, за авторов, такую работу могут с успехом проделать родители. Полистайте Чуковского, Маршака, Барто, Квитко, того же Хармса, и вы увидите, что многие и многие детские стихи написаны будто бы именно с таким прицелом. Главное, это нисколько не затруднит детское восприятие стихов, а радости ребенку доставит много. Ведь еще Чуковский писал о том, как важно это самоутверждение ребенка, как ему насущно необходимо почувствовать себя умным, догадливым, сообразительным: «...Ребенку важнее всего быть о себе высокого мнения».

Высокая самооценка высвобождает внутренние силы малыша, его интеллектуальный потенциал, а потому подобное упражнение приобретает не только игровой, но и глубокий воспитательный и психологический смысл.

ВТОРАЯ ПАУЗА

Делая очередную паузу в нашем разговоре, хочу сразу же объяснить. Мне, как активному читателю педагогической литературы, как человеку, работающему пусть не в средней, а высшей школе, как матери и бабушке, как члену большой семьи, в которой много детей разного возраста, а у детей много друзей, мне особенно imponируют, особенно близки те авторы, которые в своих размышлениях, советах, практических рекомендациях и выводах исходят из своего личного опыта, из своих собственных наблюдений. Мне очень важно слышать живой голос автора, в чем-то сомневающегося, может быть, ошибающегося, не претендующего на формулировку истины в конечной инстанции, но страстного и уверенного в важности поставленных им вопросов.

Эта вторая пауза в нашем разговоре не случайна. Предлагая своему читателю погрузиться вместе с детьми в стихию словесной игры, будь то «Эрудит», ассоциации, буриме или акrostихи, я могу опираться только на личный опыт, на собственные наблюдения. Впрочем, справедливости ради, замечу, что и в пору моего детства, и тогда, когда росло поколение наших детей, у нас в доме всегда было много друзей, которые приходили в любое время, в любом настроении, оставались ночевать, просто подолгу у нас жили, — и соответственно этот личный опыт как бы расширялся, проверялся на разных детях. Несмотря на это мое признание, я предвижу сомнения некоторых читателей в пользу и радости тех занятий, которые осмеливаюсь рекомендовать. Мне могут справедливо возразить, что есть родители, для которых сами эти игры затруднительны, которые не смогут помочь детям хотя бы потому, что любое, даже домашнее стихотворство не каждому под силу. Конечно, это так, но не сомневаюсь, что и без практической помощи родителей это окажется и под силу, и не затруднительно многим из детей — стоит только рассказать им, что за игры существуют. Порой мы и сами не подозреваем, на что способны ребята. Как я могла убедиться, многие, дожив до десятиго класса, даже не знали слова «буриме». А узнав и рассказав друзьям, что это такое, становились буквально энтузиастами этой игры и потом увлеченно рассказывали: «Мы вчера собрались

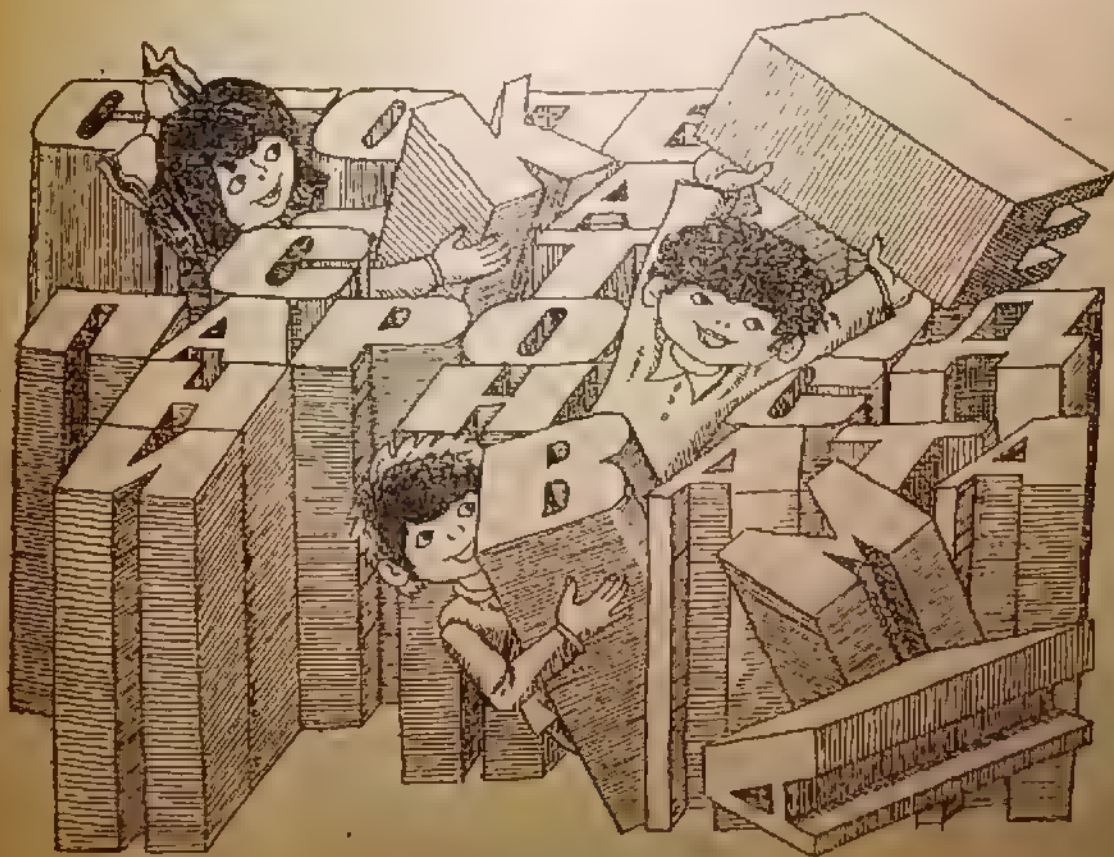
с ребятами, начали играть в буриме — так было здорово, что ни-
как не могли закончить!» Это свидетельство тоже из моего личного
опыта.

Заканчивая своё признание, хочу заранее принести извинения
за то, что весь мой дальнейший рассказ будет еще более личным,
еще более субъективным — настолько личным, что мне придется
просветить читателя даже в некоторые биографические подробности,
касающиеся нашей семьи.

«ОПИШИТЕ МНЕ, ПОЖАЛУЙСТА, РОЗУ СТИХАМИ»

В «Записках о Пушкине» Иван Пущин, естественно, воспомина-
ет многие эпизоды из лицейской жизни — того периода, когда друзья
были неразлучны. Вот фрагмент из этих замечательных воспо-
минаний.

«При самом начале — он наш поэт. Как теперь вижу тот пос-

леобеденный класс Кошанского, когда, окончив лекцию несколько раньше урочного часа, профессор сказал: «Теперь, господа, будем пробовать перья: опишите мне, пожалуйста, розу стихами». Наши стихи вообще не клеились, а Пушкин мигом прочел два четверостишия, которые всех нас восхитили. Жаль, что не могу припомнить этого первого поэтического его полета. Кошанский взял рукопись к себе. Это было чуть ли не в 1811 году, и никак не позже первых месяцев 12-го».

Понятно, почему Пушкин считал необходимым упомянуть об этом эпизоде. Его свидетельство, может быть, единственное подтверждение, как он сам писал, «первого поэтического полета» Пушкина. Но попробуем посмотреть этот кусочек воспоминаний под другим углом зрения. Прелесть этого свидетельства кончает урок раньше установленного времени. Профессор предлагает учащимся попробовать перья — написать стихи. А у Пушкина (обратим внимание на приводимую Пушкиным дату) это было в тринадцатый. Не мог же в самом деле Кошанский предвидеть, что в его классе сидит будущий национальный гений. Он дал это задание всем своим ученикам. И, может быть (об этом достоверно не знаем), такое упражнение предлагалось им не однажды — иначе было бы не очень логично.

Попробуем теперь сироецировать эту ситуацию на наш сегодняшний день. Найдутся ли родители, которые смогут вспомнить подобный эпизод из школьной жизни своих детей? Ну, допустим, не прерванный урок литературы, а урок внеклассного чтения в пятом-шестом классе? Не знаю, как мои читатели, а я лично не припомню ничего подобного в школьной биографии многочисленных детей нашей семьи. А жаль! Еще и еще раз повторю, что дело здесь вовсе не в профессиональной ориентации, а в стремлении научить человека легко и непринужденно чувствовать себя в отношениях со словами. Кстати, если у детей получаются такие опыты, если они без особых затруднений складывают строчки в четверостишия, рифмуют, играют ритмом, то это вовсе не значит, что такие дети возмнят себя поэтами. Напротив — появив, что научиться рифмовать может при желании почти любой человек, они заблаговременно сделают себе прививку от графомании. Они лучше других научатся повиноваться истинному искусству. Эти упражнения воспитают их вкус, их выс-

кательность не только по отношению к себе, но и к поэзии вообще. Став взрослыми людьми, они будут безошибочно отличать настоящих поэтов от той армии лихих стихотворцев, которой нет числа.

Мне могут задать резонный вопрос: «Ну раскрепостились наши дети, почувствовали себя легко и хорошо в этой стихии, а дальше-то что? Зачем им это в их дальнейшей взрослой жизни?» На это ответу: в дальнейшей жизни такое умение может стать замечательным даром для семейных и дружеских праздников, для канустников и шуточных вечеров — словом, для самодетального, камерного употребления.

А сейчас, прежде чем обратиться к биографии нашей семьи, небольшое отступление. Несколько лет назад в «Литературной газете» была опубликована очень интересовавшая меня статья. Автор (не помню имени) рассказывал о ярком впечатлении, вынесенном им со свадебного торжества своих добрых знакомых. Впечатление же прежде всего на него, автора, произвела одна гостья, удивительно умело, остроумно и непринужденно руководившая застольем. Она была тамадой в традиционном понимании этого слова, а именно руководила праздником. Можно было подумать, писал автор, что это совершалось по какому-то хорошему сценарию, и было так нестандартно, так живо и остроумно, что сообщало всему празднику особую атмосферу. Помнится, автор посокрушался о том, что эту гостью он не встречал раньше в доме своих друзей, да, впрочем, что удивительного? На свадьбах всегда столько людей, что с некоторыми только там и удастся познакомиться. Каково же было потрясение нашего впечатлительного автора, когда чуть позже он узнал что поразившая его дама не принадлежала к числу друзей или родственников жениха или невесты. Ее и пригласили для исполнения тех функций, которые она так хорошо продемонстрировала. В статье назывался даже размер ее гонорара за эту работу.

Почему я сейчас об этом вспомнила? Потому что, если не организовать подобную службу сервиса в официальном виде, чтобы можно было обратиться в бюро добрых услуг, а не искать такого рода помощь через друзей и знакомых. Автор при этом справедливо сетовал на скуку обычных праздничных собраний, когда люди долго сидят за столом, произносят одни и те же слова с

незначительными изменениями, диктуемыми причиной застолья: день рождения, свадьба, новоселье и т. д.

При чтении той статьи меня, помню, не покидало ощущение двойственности впечатления. С одной стороны, я разделяла соображения автора о том, как приятны и хороши были бы семейные праздники, если бы в них вносилось творческое начало, подобное тому, о котором было поведаано читателям. А с другой стороны, я постоянно чувствовала при чтении какую-то неловкость, какое-то неудобство: я никак не представляю, как среди моих близких и друзей возникнет такой посторонний человек, хотя бы и одаренный творческими способностями, «руководить». Мне казалось это неуместным, если бы не то, что стало быть, по окончании праздника надо будет спросить: «А что вы сделали для нас? Не было ли у вас хороших идей, которые бы принесли нам какие-то хорошие услуги?» Все-таки какая-то неуклюжесть, неуместность.

Что же касается творческого подхода к празднованию самых разных событий в нашей жизни, то вот эта мысль была хороша и полностью согласовывалась с моими представлениями. Но неужели для этого нужно какое-то бюро, какая-то служба сервиса?

Наша подготовка к семейным праздникам начинается заблаговременно. Поскольку на торжествах всегда звучат не только стихи, но и песни, нужно подготовить аккомпанемент, хотя бы раз прорепетировать коллективные номера, продумать их последовательность и т. д. В число традиционных подарков это входит обязательно, и каждый юбиляр — большой или маленький — об этом знает, ждет с нетерпением и потом радуется сюрпризу едва ли не больше, чем, так сказать, материальным подаркам. А уж если событие крупное — круглая дата или, например, свадьба, то и программа готовится расширенная.

Как конкретно это происходит? Если говорить о песенном репертуаре нашей семьи, то за отсутствием своего композитора мы не рискуем создавать оригинальные музыкальные решения, а берем какие-то хорошо известные песни и создаем литературно-музыкальную стилизацию. Детям, владеющим музыкальными инструментами, предлагается подобрать мелодию, а слова наполняются тем конкретным содержанием, которого требует грядущее торжество. При этом, конечно, важно, чтобы текст, от которого мы отталкиваемся, был как-то созвучен теме нашего праздника. Прежде чем перейти к

рассказу о некоторых наших номерах, напомним читателям, что такое стилизация вообще.

Обратимся к словарю литературоведческих терминов: «Стилизация — в художественной литературе последовательное и целенаправленное воспроизведение существенных черт стиля писателя... Существенные черты стиля, взятого за образец («прототипного»), при стилизации в основном сохраняются, но выступают уже как художественное средство».

Не претендуя на столь высокое определение нашего домашнего творчества, замечу все же, что в основном мы стараемся придерживаться этого принципа.

Вспоминаю большой концерт, который мы готовили к очень торжественному семейному собранию: моей сестре Марине исполнялось сорок лет и одновременно отмечалось новоселье... Роль концерансы, состоящую из легко запоминавшихся коротеньких стихов, исполняла семилетняя Танечка, подготавливая свою партию безупречно. Начинался наш концерт ее вступлением:

Мы просили бы у вас
Чутьочку вниманья,
Предлагая вам сейчас
Песню без названья.
Но мотив ее простой
Хорошо известен,
А припевчик — «Ой-ой-ой!» —
Пойте с нами вместе.

Этот призыв был обращен к хозяевам дома и тем гостям, которые не входили в наш творческий коллектив. Далее следовала песня:

Приглашать все чаще нас
Стали на рожденья.
Дни рожденья сейчас
Словно наважденья.
Что надеть и что дарить —
Трудная задача,
Но не нам судьбу корить:
Мы пока не плачем.

Припев: То ли еще будет,
То ли еще будет,
То ли еще будет, ой-ой-ой!

Ну, а если предстоит
Кругленькая дата,
Вся родня почей не спит
От сплошных дебатов.
Мы сегодня песнь поем —
Взрослые и дети —
В честь Марины, в честь ее
Совершеннолетия.

Припев.

С каждой песней все дружнее
Общее веселье.
Отмечаем юбилей
Вместе с новосельем.
Протянем на целый мир
Эти песни мы.
Пусть танцуют стар и млад
В честь Марины.

Припев.

Как нетрудно увидеть, песенка вполне бесхитростная, мотив очень популярный, хитом неется легко, а уж припев звучал просто замечательно: его подхватывали все. А Танечка вдохновенно продолжала свою партию:

Дорогие товарищи зрители!
Бабушки, дети, родители!
Исполняется песня лирическая,
Немножко юмористическая,
Семейно-биографическая,
Одним словом, историческая.

Всем было весело, и уверяю вас, и через год, и через два никто из участников этого праздника, включая самых маленьких детей, его не забыл.

Как мы выбираем материал для нашего семейного исполнения? Прежде всего, слова избранной песни должны быть хоть в чем-то созвучны событию, которое отмечается, иначе стилизовать их не удастся. Очень важно, чтобы эта песня (или стихи — все равно) правилась виновнику торжества, или была как-то связана с его жизнью, или когда-то им любима. Словом, важно прежде всего, чтобы выбор не был случайным, чтобы и текст и мелодия сразу узнавались. Только тогда это получается и весело, и к месту.

Когда моей племяннице Саше исполнилось шестнадцать лет, мы

подарили ей песню. Саша (она же Шуруня, она же в домашнем обиходе Шуруничка) в раннем детстве была редкостной молчуньей. В два года она пошла в ясли, и воспитательница не уставала удивляться: девочка за целый день не произносила ни одного слова. При этом она говорила все, но и дома многоречивостью не отличалась. Летом ясли выехали на дачу, и через неделю Марина поехала навестить дочку. Воспитательница встретила маму совершенно потрясенная и рассказала следующую историю. На днях, уложив детей на ночь, она сама пристроилась на свободной детской кроватке, чтобы дожидаться, пока все уснут. А голова ее оказалась как раз в ногах у Саши. И вдруг она слышит голос: «Уйди, задавила». Воспитательница рассказывала, что она не могла поверить своим ушам и нарочно не отодвинулась. Через минуту снова раздалось: «Уйди, задавила». Эта комическая история очень напомнила нам старый английский анекдот о ребенке, который молчал несколько лет, врачи не могли понять, в чем дело. Но в один из годов, приступив однажды к завтраку, он не проглотил «Пересолено». Погрязшие родители бросились к нему с вопросами: «Что же ты до сих пор молчал?!» — «А до сих пор все было в порядке». Вот такая же была наша Шуруня.

Это первое, что вдохновляло нас перед ее шестнадцатилетием. Второе. Года в три Саша впервые услышала песню Окуджавы из спектакля «Вкус черешни»: «Гаснут, гаснут костры...». Она любила ее напевать, и это было очень смешно, особенно припев, который у нее почему-то трансформировался. Вместо «Что было, то сплыло, того уж не вернешь» Саша пела: «Что было, то слыло, того уж не видать». Эти-то воспоминания о ее раннем детстве и составили основу нашей стилизации. Мелодия, как всегда, была сохранена, а текст возник такой:

Гаснут, гаснут огни,
Спят детишки в яслях.
Лишь Шуруня не спит
В молчаливых мечтах,
Не смеется, не плачет и даже
Никому ни словечка не скажет.
Воспитателям спать
В это время нельзя,
Но невольно слипаются

К ночи глаза,
И к Шурупчику в ноги тихонько
Голова опустилась на койку.

И в это мгновение
Послышалось четко,
Послышалось четко
Над самой головой:
«Уйди, задавила,
Уйди, задавила,
Уйди задавила» —
И больше ничего.

Этот был давно,
Двадцать назад.
Этот был вослед
После детского сада.
В эти длинные дни наступили,
И мы все позабыли.

И в этой порой
Средь вечных встреч
Эта моя черная
Сашкина река,
Монолог содержательно-краткий
С указанием на беспорядки.

«Уйди, задавила,
Уйди, задавила» —
Об этом Шуруня
Не любит вспоминать.
Что было, то сплыло,
Что было, то сплыло,
Что было, то сплыло,
Того уж не видать!

Я слишком хорошо понимаю, что подобные семейные концерты, в том числе и тексты песенок, которые я сейчас вспомнила, вряд ли могут представлять интерес для людей посторонних. Но мне хотелось только поделиться тем опытом, который не так уж труден для творческого его освоения. Может быть, тем, кто не знает Сашу, не наблюдал ее в младенчестве, и не смешно то, что я вспомнила, но наша большая семья покатывалась от хохота, а Сашуня была просто счастлива, когда ей спели эту песню.

Почти к каждому семейному празднику дети выпускают газеты. Извлекаются из семейного архива фотографии разных лет, монтиру-

ются с забавными заголовками, вырезанными из журналов и газет, перемежаются какими-нибудь шуточными текстами, и все это пользуется неизменным успехом у всех без исключения гостей. Кстати, моя сестра и ее муж никакие не филологи, они оба математики, но и в их доме это традиция, которую все дети усвоили сизмальства. Однажды маленькая Ксения в каком-то разговоре произнесла: «иронируя» вместо «иронизируя». Это получилось очень смешно, потому что слово было не очень ей знакомое, а значительный вид, с которым она его изрекла, еще усиливал комическое впечатление. К ближайшему же ее дню рождения отец подарил ей открытку с пожеланием жить хорошо и счастливо, «над людьми не иронируя, никого не терроризируя, всем на свете симпатизируя» и т. д. — я уже не помню, сколько раз была обыграна эта открытка. Ксения смеялась вместе со всеми, очень хорошо усвоила, как следует произносить все эти слова, а неправильные эти формы удивительно прижились в нашей семье, и иногда в веселую минуту кто-нибудь вдруг скажет: «Ну, хватит иронизировать!» или «Что ты меня терроризируешь?» — и всем смешно и радостно.

Все наши семейные концерты мы непременно записываем на пленку, и потом, когда проходит время, так приятно бывает прокрутить старую запись, и дети, уже забывшие тексты песен и стихов, когда-то ими исполнившихся, радуются несказанно, когда слышат свои голоса. Это останется надолго, может быть, навсегда, и, что очень важно, удивительно способствует сближению детей и взрослых, воспитанию тех отношений, которые в высоком стиле называются семейными узами. Друзья нашего дома любят бывать на наших семейных праздниках: «У вас так интересно!» Но ведь так может быть у любого, кто захочет. Конечно, на это требуется время, силы, фантазия, но, право же, все это с лихвой окупается той радостью, тем удовольствием и счастьем, которое испытывают наши близкие.

А однажды летом, года два назад, приезжает на дачу моя старшая племянница Маша, наш главный аккомпаниатор и музыкальный руководитель, и с ходу выпаливает: «Знаешь, что-то мало стало разнообразия в наших праздниках. Я подумала и решила, что в следующий раз нам надо подготовить не концерт, а спектакль. Ну, пьесу написать. Я даже Гоголя на всякий случай захватила».

И сели мы с Машей перечитывать Гоголя. Идем в лес за грибами — по дороге обсуждаем возможные варианты. Думали-думали, а потом я поняла, что стилизовать Гоголя нам не удастся: уж очень его сюжеты не соответствуют теме наших праздников. И вдруг меня осенило: Грибоедов! Я аж вскрикнула: «Машечка, есть идея!». Во-первых, стихи — а их проще и стилизовать, и учить. Во-вторых, многие частности, касающиеся содержания «Горя от ума», в тот момент были на редкость близки нашим раздумьям. Дело в том, что, по общим наблюдениям, двигался к кульминации бурный роман нашей Ксении. Все мы понимали, что надвигается свадьба, к которой придется готовиться всерьез.

Ах, как мы тогда оценили Грибоедова. Мы тут же стали вспоминать его афоризмы, и веселье наше все увеличивалось: «Считай, что я и наблюдаю!», «Что за комиссия, создатель, быть в раю без вины?», «Чтоб иметь детей, кому ума недостает?». Саша, Машинна идея о спектакле была безоговорочно принята, но Грибоедова утверждена как исходный материал, но дальше предстояла такая сложная работа, которой нам до того проводить не приходилось. Конечно, грибоедовские афоризмы мы использовали вполне, но для спектакля нужен был сюжет, соответствующий нашему жизненному материалу. После долгих усилий Чацкий и Молчалин в нашей интерпретации превратились в одного героя — жениха, горничная Лиза трансформировалась в младшую сестру невесты Сашу, которая всячески покровительствует этой любви. Маша великолепно подобрала музыкальное сопровождение: каждый персонаж имел в спектакле свою музыкальную тему.

Что же касается исполнителей, то здесь у нас возникли определенные трудности: значительная часть нашей семьи не была посвящена в эти приготовления. Невесту изображала ее сестра Саша, а сестру Сашу — десятилетняя Таня, которой пришлось преодолеть серьезные трудности освоения грибоедовской стилистики, все-таки не рассчитанной на этот возраст. Но все наши артисты справились замечательно, и когда маленькая Таня произносила: «Сестра в романе — ну же! глаз да глаз», — гости буквально навали со стульев от хохота. Но это было уже на самом представлении, а до него... Ох, как мы устали. Сначала читки, потом репетиция, потом опять репетиция, но уже с музыкальным сопровождением, потом возникла

проблема костюмов. Подключились все друзья. Нам достали театральные усы, бороды, парики, в Школе-студии МХАТа мы на два дня взяли фрак, но и этим проблемы не были исчерпаны. Надо было придумать, как сделать занавес, как расположить декорации в комнате, где почти все пространство будет занято праздничным столом, какое помещение отвести под кулисы (для переодевания), ибо спектакль у нас был в трех действиях. В итоге было найдено много замечательных решений. Например, к веннику прикреплялась бумажка, на которой было написано «сосуна», и таким образом создавалась загородная обстановка; тетушка невесты появлялась на есцене с корзиночкой, на которой была опять-таки бумажная полоска с надписью: «Кот Боб». А в тетушкином тексте звучало: «Я привезла с собой кота Боба — красавец, правда...» и т. д. А исполнительница роли невесты отвечала: «Ваш Боб — прелестный Боб, чуть более наперстка. Я гладил его — как шелковая шерстка». Все эти палинсы вместе с нарисованным всем грибоедовским текстом производили великолепное впечатление.

А еще была приготовлена афиша, которую мы повесили задолго до сбора всех гостей. Пьеса называлась «Тили-тили-тесто». А сам спектакль начинался таким предисловием:

К гостям высоким этого собрания
Мы обращаем просьбу о вниманье.
Невесте с женихом преподнесем мы
Наш небольшой сценический этюд.
Пусть будут снисходительными к скромным
Усилиям нашим: нет актеров тут,
И драматургов, режиссеров тоже
Наш коллектив не может предложить,
Но он с энтузиазмом нынче может
Помочь вам вашу память освежить.
Десятки сцен прославленных изведав,
На свадьбу к нам пробился Грибоедов.
Итак, представьте, Подмосковье, лето,
Чернеевский, нам всем известный дом,
И вот в «поместье» загородном этом
Мы наш сюжет, благословясь, начнем

Успех был грандизонный, мы были счастливы, что смогли доставить всем такую радость. Афиша до сих пор висит на видном месте в той самой комнате, где происходило торжество.

Все это так, но если вспомнить, чего нам это стоило... Мы готовили свой подарок несколько месяцев, относились к этому как нельзя серьезней, очень устали, но я уверена: никто из моих близких никогда не прочел бы эту радость настоящего творчества, пусть самодеятельного, ни на какую постороннюю даму, приглашенную для оживления семейного торжества. Уверена я и в другом: мы непременно когда-нибудь захотим повторить этот опыт, и будем снова все вместе искать подходящую идею, и будем мучиться в попытках ее осуществления, и будем спорить о мизансценах, костюмах, гриме, отрывая время от своих выходных дней, нарушая привычный ритм жизни, — и все это ради получаса или сорока минут, которые будет продолжаться само представление.

Стоит ли это таких усилий? Ведь дети учатся, взрослые работают, а репетиции по крайней мере минуты и не дни, а часы и недели. В сущности — что такое эти наши игры? Не баловство ли? Нет, не баловство, потому что за ними стоит нечто несонизмеримо более дорогое, чем наше свободное время, — это наша любовь друг к другу и всегданнее желание дарить друг другу радость. Разве этого мало? И разве приобщение детей к этому не стоит иногда загородной прогулки или просмотра очередного кинофильма? Убеждена: стоит. Они вместе с нами научаются любить не только слово (ради одного этого, может быть, и не стоило бы так расшибаться), но и своих близких, особенно бабушек, к дням рождения которых они готовятся просто трепетно. Вот и получается, что игра словом выводит нас и наших детей на более широкие просторы, чем только стихия речи, делает их добрее, лучше. И, конечно, умнее. И, что очень важно, остроумнее. Словом, с какой стороны ни посмотреть, — стоит!

Из моего рассказа может сложиться впечатление, что маленькие дети участвуют в наших торжествах пассивно, лишь как исполнители, заучивающие подготовленный для них текст. Это отчасти верно, потому что, конечно же, в восемь-десять лет еще трудно овладеть даже теми несложными приемами стилизации, к которым мы прибегаем. Но дети не просто автоматически заучивают то, что предназначено для их исполнения. Они относятся к своим партиям в семейном концерте творчески, а порой даже критически. Помню, когда мы готовились к юбилею моей сестры Марины, звонит мне как-то Танечка (а она тогда училась в первом классе) и говорит:

«Знаешь, мне кажется, в одной песне можно улучшить рифму». Я спрашиваю: «В какой же?» Она: «Там, где Марина молода. Лучше не «о годах», а «про года». Так правильнее». Речь у Танюши шла о песне, написанной на мотив Булата Окуджавы. У нас был такой текст:

Восемнадцать или двадцать —
К черту сплетни о годах.
Нужно только удивляться,
Как Марина молода.

Вот об этой-то рифме и говорила Тана. Я ее похвалила за наблюдательность, за чувство слова, потому что «года — молода» и в самом деле более точная рифма. А заодно попробовала объяснить ей, что и в неточной рифме есть свое обаяние, что многие поэты предпочитают ее рифме буквальной, а глупее — что мы шли здесь от интонации того автора, которого взяли за основу: «К черту сказки о богах». Наше «о годах» более соответствовало «прототипному» варианту текста. Танечка со мной согласилась, а этот разговор был, без сомнения, и полезен, и важен даже с точки зрения расширения ее познаний о стихах и их природе.

Конечно же, не все и не всегда у нас получалось. Бывало порой, что настроение, не соответствующее надвигающимся торжествам, или дела на работе, или какая-то бытовая суета совершенно выбивали из колеи, не давали сосредоточиться, да и просто ничего интересного в голову не приходило. А для веселого семейного творчества нужно не просто хорошее настроение — я бы сказала, что здесь требуется почти вдохновение. И в иные минуты приходилось с сожалением отказываться от задуманных сюрпризов, выходить из положения самым традиционным и общепринятым способом, хотя потом неизменно бывало грустно, что не преодолели себя, не пересилили, не взяли в руки. Ну что ж, и это, наверное, нормально и неизбежно, и в этом, как ни грустно, приходится признаться.

Отвлекаясь от воспоминаний о нашей семье, замечу, что вообще-то многие люди тянутся к рифме и охотно преподносят своим друзьям и близким поздравления в стихотворной форме. Но недостаточная воспитанность в этом отношении приводит порой к тому, что возникают убогие, беспомощные строчки, где рифмуются «позд-

равляю — желаю», «меня — тебя» и т. д. Эти вызывающие жалость вирши чрезвычайно широко популярностью, нет-нет да и сегодня встречающиеся. На открытке изображается какой-нибудь сусальный пейзаж или даже портрет дарителя, а внизу подлинь: «Люби меня, как я тебя, и будем вечные друзья». Или традиция делать надписи на конверте с письмом типа: «Лети с приветом, вернись с ответом». Думаю, что наши дети застрахованы от такой «поэтической самостоятельности» на всю их жизнь.

И последнее, что хотелось бы заметить, говоря о некоторой пассивности, пока неизбежной, их участия в общесемейном творчестве. Мы стараемся всегда приготовить для их сольного исполнения такие тексты, которые были бы им вполне понятны, близки, вызывали бы с самого начала отклик и легко запоминались. О Такином концерте я уже немного рассказывала. Хочется вспомнить еще один наш концерт — пятидесятилетие моей двоюродной сестры Ляли (так ее зовут все домашние), которое отмечалось в январе во семьдесят втором году. Так случилось, что в тот год наша семья отмечала много крупных дат разного «достоинства»: пятьдесят лет, двадцать, тридцать, семьдесят, а Лялечкин юбилей был первым в этом длинном ряду. Девятилетняя Таня и десятилетний Миша выступали тогда дуэтом. У них был огромный текст, начинавшийся таким предисловием:

- Год собаки наступил —
Что же это значит?
Гороскоп провозгласил:
Это год удачи.
Юбилеям нет числа —
Вот и Ляля подросла,
И с братишкою Володей
Отмечают они вроде
Аж по пять десятков лет.
Шлем им пламенный привет!
В год собаки друг за другом
Побегут по датам круглым
Ляля с Вовой, Аня с Ваней,
Таня, Света, тетя Таня,
А Чуковский Корней
Свой столетний юбилей
Отмечает в этот год —

Вот!
И поскольку все мы, все мы
Его сказки и поэмы
Знаем с самых первых дней,
Пусть сегодня наш Корней
Вместе с нами выступает,
Нашу Лялю поздравляет.

И дальше шло большое попури на темы сказок Чуковского, которые наши артисты прекрасно знали, улавливали все интонации, и уже поэтому их заучивание носило не просто механический, а творческий характер, несмотря на то, что текст был приготовлен, конечно же, взрослыми.

Ну, а если вспомнить задание профессора Кошанского двенадцатилетним лиценстам, — думаю, что наши дети сумели бы с ним справиться. Может быть, не очень изящно, с какими-то издержками стиля; но, пожалуй, справились бы. Как справится любой нормально развитый ребенок, если его приохотить к таким занятиям.

«МОЙ ПЕРВЫЙ СЛОГ СИДИТ В ЧАЛМЕ...»

Кто из читателей не помнит старика Синицкого, незадачливого героя Ильфа и Петрова, «ребусника по профессии», который, «устремив остекленевшие глаза в потолок, сочинял шараду на модное слово «индустриализация»? Кто не помнит, как он привычно разделил это слово на шарадные части:

— Индус. Три. Али. За.

Капризное окончание «ция» никак не поддавалось толкованию, и старик приступил к работе, решив, что конец придет сам собой. Смех читателей нарастает по мере сочленения стихотворного текста, который частями возникает под пером комического персонажа, а в результате представляет собой нечто совершенно несусветное:

Мой первый слог сидит в чалме,
Он на Востоке быть обязан.
Второй же слог известен мне,
Он с цифрою как будто связан.
В чалме сидит и третий слог,
Живет он тоже на Востоке.
Четвертый слог поможет бог
Узнать, что это есть предлог.

В сатирических романах Ильфа и Петрова старик Синицкий не единственный персонаж такого рода, осмеиваемый авторами. Как не вспомнить юмориста Авессалома Изнуренкова или знаменитого Ляписа с его излюбленным поэтическим персонажем Гаврилой? Читатель вместе с авторами смеется над ними, и смех этот не сострадательный, не «сквозь слезы», а злой, саркастический. Но значит ли это, что замечательные сатирики подвергают осмеянию сам принцип словесных игр или самодеятельное стихотворство? Конечно, нет. В их блистательных романах сатирически высмеивается всякая халтура, в том числе и словесная. Сама по себе идея шарады, законы ее построения никак не повинны в неудачах «ребусника по профессии». Виной всему безнадёжная тупость героя, вызывающая раздражение его выскочки жены и радостный хохот читателей.

Однако, познакомившись вместе с Ильфом и Петровым, отвлекаясь от его персонажей и вспомнив, что же такое шарада в ее классической форме. Первое из этого слово, которое может быть разделено на части, дающие самостоятельные слова: кипа-рис, плац-карта, гарн-як, и т. д. Конечно, делить слова так, как это делает в шараде наш герой, недопустимо. Ни предлоги, ни союзы, ни другие служебные слова не могут выступать как загадываемые части шарады. Равно как и числа — вспомним пре-словутое «три» в шараде Синицкого. Кажется, единственная группа слов, для которых обычно делают исключение, это названия нот. Отсюда допустимость такого, например, слова для шарады, как фа- соль.

Самое привлекательное в шараде — импровизационность. Если стихи и песни, посвященные, скажем, юбилею, не могут возникнуть вдруг, сами собой, экспромтом, а требуют обязательной подготовки, то игра в шарады — это всегда экспромт, требующий немедленного, спонтанного подключения фантазии, юмора, сообразительности. И, конечно, лучшая форма исполнения шарады — это пантомима или короткая (буквально в минуту-две) миниатюра, которую нужно сыграть, исполнить в лицах. Наши дети любят шарады и довольно часто украшают ими свой досуг. Наблюдать эту игру чрезвычайно интересно, потому что порой она может конкурировать с иным театральным зрелищем. Особенно я радуюсь, когда в нашем доме собираются друзья моей дочери, студенты, из которых так и брызжет

и которые падают в шарадах прекрасную возможность его сыграть.

Ребята делятся на две команды — в каждой равное количество участников. Слова загадывают по очереди, для чего выходят ненадолго в соседнюю комнату, придумывают слово и очень быстро, почти мгновенно, решают, как оно будет исполнено. Всякий раз, когда я наблюдаю эти соревнования, меня поражает легкость, естественность их участников, среди которых нет ни одного актера, хотя бы и самодеятельного. Но в шарадах они вдруг становятся такими артистичными, изящными, свободными, что нет-нет да и задумываешься: почему их не привлекает какой-нибудь театральная самодеятельность?

Поскольку решение поиграть в шарady приходит, как правило, внезапно, неожиданно, то под рукой не оказывается никакого театрального реквизита, и для придуманных исполнителями миниатюр приходится довольствоваться тем, что есть под рукой: полотенцами, салфетками, кухонной утварью, какими-нибудь игрушками и т. д. Эта естественная трудность еще более способствует созданию веселой атмосферы, потому что главной задачей становится не реалистическая достоверность разыгрываемого эпизода, а его условное, часто юмористическое решение. Помню, как однажды самый высокий гость изображал кипарис, «в тени которого» живописно расположились остальные члены команды. Или как показывалась первая часть слова «аксельбант» — аксель, прыжок в фигурном катании. Один из участников пародировал на ковре фигуры мужского одиночного катания, а другой выступал в качестве телекомментатора. Слово «аксель» было прикрыто, загорожено в этом комментажном множестве других, а внимание зрителей, отгадывающих шарadu, целиком поглотила пантомима «фигуриста».

Вообще в своих выдумках во время этой игры ребята неистощимы. Иногда они находят такие абстрактные решения, отгадать которые становится очень трудно. Как-то было задумано слово «пискля», второй частью которого стала нота «ля». А смысл предложенного толкования был зашифрован в очень сложной системе ассоциаций: ля — шестая нота на нотном стане; соответственно этому в миниатюре звучал синий цвет — шестой в классической формуле цветов радуги, сама цифра «шесть» и что-то еще из этого ряда, чуть ли не

шестой день недели. Словом, загадка была рассчитана очень тонко, и конкурирующая команда, состоявшая из очень сообразительных участников, разгадать слово не смогла, потеряв на этом очко.

Конечно, маленьким детям такие импровизации будут даваться труднее — тем более что придумать интересное слово для шарады далеко не просто. Значит, им заранее можно предложить подготовиться к такой игре — например, придумать еще до общего их сбора хотя бы по одному слову. Здесь и родители могут помочь, и к слову сказать, словари, листая которые ребенок сам сумеет найти что-то подходящее. А собравшись вместе и разбившись на команды, они уже будут придумывать, как лучше показать, представить свою шараду. Если мы освободим малышей от самой сложной задачи — выбора исходного слова — и оставим им простор для фантазии в исполнении пантомим или театральные сценок, они получают и пользу, и удовольствие. Их совместный праздник сведется не просто к чаепитию с пирогами и конфетами, но к приятному, содержательному и увлекательному общению.

Кстати, такие игры, как шарады, вполне можно включать в программу группы продленного дня в школе, можно заняться ими на привале в походе. Незаменимыми они могут быть и в какой-нибудь длительной поездке в другой город, которые получают все более широкое распространение. И если сама экскурсия детей увлекает, то долгая дорога в поезде бывает подчас очень утомительной, начинает казаться бесконечной и монотонной. Шарады могут скрасить это время, создать хорошее настроение, и дети придут в новый, незнакомый город не утомленными и измученными, а бодрыми и веселыми, что так важно в подобных путешествиях.

Если же взрослые участвуют в этих играх наравне с детьми и, не боясь показаться смешными, принимают любое комическое обличье, то такая инициатива очень раскрепощает малышей. Ведь в отличие от студентов маленькие дети порой стесняются напялить на голову какой-нибудь нелепый предмет вроде колпака от настольной лампы или хозяйственной авоськи, а инициатива взрослых замечательно провоцирует их свободу и непринужденность. А, кроме того, общая со взрослым сценка может создать неожиданные комические эффекты типа «перевертышей» в стихах Чуковского, когда, например, самый маленький исполнитель будет изобра-

зять самого старого или самого важного из персонажей, а на долю взрослого человека достанется, напротив, роль какого-нибудь неослушного ребенка или робкого подчиненного.

Лучшей благодарностью взрослым исполнителям в таких играх бывает искренний смех детей, и даже если им не удастся отгадать задуманное слово, то не так уж огорчаются: поражение компенсируется радостью ют самой атмосферы игры. Кстати, участие взрослого в детской команде может помочь в преодолении и этой трудности — угадывания. Причем хорошо, если взрослый человек, разгадав предложенное слово, не просто подскажет его своим маленьким партнерам, а заставит их размышлять, направив по верному пути.

ТРЕТЬЯ ПАУЗА

Удивительны, непредсказуемы сюрпризы, которые порой преподносит нам жизнь. Ну разве можно было предполагать, что на пороге своего прощания с читателем автор (а с ним и миллионы других людей) получит такой пречестный подарок, как «Мелкие Заходерзости» на шестнадцатой странице «Литературной газеты»? Администрация клуба «Двенадцать стульев», справедливо сетуя на то, что Борис Владимирович Заходер опубликовался в названном клубе всего два раза, да и то «на заре их туманной административной юности», предоставляет слово своему любимому с детства писателю. И, как будто в поддержку нашей темы, Заходер предлагает поиграть в слова уже не детям, а вполне взрослым, серьезным и солидным людям, читателям «ЛГ».

Чего стоит один заголовок — «Заходерзости»! А вслед за этим идет подборка юмористических миниатюр, вызвавших восторг, я думаю, у всех, кто ее прочел. Во всяком случае в нашем доме это читалось вслух и доставило нам истинное удовольствие. После первой миниатюры Заходера мы долго не могли продолжать — так смеялись. Под серьезным научным заглавием «Гносеология» следуют стихи:

— Что мы знаем о лисе?
— Ничего!
(И то — не все...)

Я-то думала, что после моих размышлений о детских стихах

Бориса Заходера в первой части этой книжки мне больше не придется возвращаться к нему. Аи нет! Он снова напомнил о себе, и так кстати, так уместно, так созвучно моим размышлениям, что просто не было сил не упомянуть его с благодарностью еще раз.

А прощаться и в самом деле уже пора, хотя тема наша далеко не исчерпана, а может быть, и неисчерпаема, потому что размышления о слове могут продолжаться и продолжаться, вызывая новые и новые ассоциации. Что ж, это прекрасно, и любовь к слову, беспорядочная, принадлежащая к тем чувствам, которые человек, испытав однажды, пронесет через всю жизнь. Пронесит, чтобы в зрелые годы признать: «Любовь к слову — слова, как неизведанные страны».

Между тем время идет дальше, и в нашей семье снова творческое событие: юбилей нашей мамы приближается к своему семидесятилетию. Юбилей замечательный, гостей ожидается много, и мы уже заранее переставляем столы, сворачиваем свои календари, обсуждаем дни и часы наших вечеров, речей, спевков. Такие привычные и такие приятные хлопоты!

А внук Федя, которому лишь месяцев, не говорит пока ни одного слова и вряд ли сможет исполнить какой-нибудь номер на юбилей прабабушки. И поиграть в слова с ним пока невозможно, но стихи Чуковского, Маршак, Заходера он слушает с удовольствием и даже иногда хохочет, как будто что-нибудь понимает. А может, и вправду понимает? Так хочется иногда думать, что он реагирует не только на интонацию, но и на смысл. Впрочем, время летит быстро, и скоро он начнет ходить, а потом и плясать под эти стихи.

Любимые детские книжки, которые мы когда-то с упоением прохитывали с моей дочкой, уже наготове, ждут нового читателя, пока нескученного, но — не сомневаюсь! — благодарного. Что-что, а уж книжки-то он полюбит.

А писатели, так много сделавшие для того, чтобы мы все пропитались любовью и интересом к слову, все чаще и чаще приходят на память. Их много, истинных энтузиастов слова, создавших целую летопись о русском языке, его красоте и величии, о самоценности русского слова. Ломоносова, Гоголя, Тургенева помнят все, учили когда-то в школе наизусть их поэтические признания в любви родному языку, и, наверное, не стоит напоминать их лишних раз. Но вот перед нами книга нашего старшего современника, представ-

ляющая собою не стихотворение в прозе и не лирическое отступление, а опыт научно-популярного изложения основ лингвистической науки. Лев Успенский. «Слово о словах». Казалось бы, в научном исследовании слова, его природы, этимологии, многозначности, грамматических форм нет места поэзии. Ничего подобного! Человек, влюбленный в слово, поневоле становится поэтом, слагателем гимнов во славу того божества, которому он поклоняется.

В главе «Слова, слова...» читаем:

«Когда мы говорим «язык», мы думаем: «слова». Это естественно: язык состоит из слов, тут спорить не о чем.

Но мало кто представляет себе по-настоящему, каково оно, самое простое и обычное человеческое слово, каким неописуемо тонким и сложным творением человека оно является, какой своеобразной (и во многом еще загадочной) жизнью живет, какую неизмеримо огромную роль играет в судьбах своего творца — человека.

Если в мире есть вещи, достойные названия «чуда», то слово, бесспорно, первая и самая чудесная из них».

Разве это не поэма, не лирический фрагмент? Прислушайтесь к ритму фразы, составившей второй абзац в этом отрывке: как мелодично она звучит, как музыкально выстроены в длинный ряд четыре придаточных предложения, как трепетно чувство, вдохновлявшее автора на это признание! И не странно ли: ученый-языковед, привыкший оперировать строгими и точными понятиями, опираться на критерии, не подлежащие сомнению или опровержению, вдруг замирает в восторге перед предметом своего исследования и начинает мыслить категориями совсем иного порядка: загадка, чудо... Видно, так велика магия слова, что, погрузившись в него, невозможно хоть на мгновение не стать поэтом.

Попробуем же и мы проникнуться этим чувством, передать его нашим детям, помочь им понять, как слово может соединять в себе высокое звучание и содержание с веселым и остроумным смыслом. Конечно же, игрой в слова не может быть исчерпано все богатство языка. Это всего один и, наверное, не самый главный аспект, о котором полезно помнить, воспитывая в детях чувство слова. Но ведь объять необъятное невозможно, и чудо перестанет быть чудом, если мы вычерпаем все его содержание до самого дна. Не стоит и пытаться.

Все же мне хотелось бы надеяться, что мои размышления вызовут какой-то отклик, какое-то встречное движение у моего читателя. А потому, заканчивая свое последнее отступление, позволю себе предложить на прощание акrostих, который и поставит точку в нашем разговоре. Напомню еще раз, что акrostих — это стихотворение, в котором начальные буквы каждой строки, читаемые сверху вниз, составляют слово или фразу.

Пока мы размышляли над проблемой
О слове и возможностях его,
Истек лимит наш, и прощаться с темой
Грядет минута. Жаль, но ничего.
Ребятам нашим с радостью предложим
Акrostихи, шарады, «Эрудит».
Едва ль не каждый их освоить сможет —
Минуты вдохновенья впереди.
Веселые и умные забавы,
Слова предстанут в ореоле славы,
Любви, открытий — перейди порог,
Оставь за ним тоску и раздраженье:
Ведь в играх столько жизни и движенья,
А слово, как известно, — это бог!

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Маршак С. Воспитание словом. Собрание сочинений в восьми томах, т. 7. М., 1971.
- Чуковский К. От двух до пяти. Собрание сочинений в шести томах, т. 1, 1965.
- Успенский Л. Слово о словах. Ты и твое имя. Л., 1962.
- Ивич А. Воспитание поколений. М., 1969.
- Эткинд Е. Разговор о стихах. М., 1970.
- Чукоккала. М., 1979.
- Цыпруш М. Детям и взрослым, малым и рослым. Кишинев, 1969.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	
«Люблю обычные слова...»	3
Возвращаясь к истокам	4
От Хармса до Заходера	9
Первая пауза	18
А теперь поиграем в слова	31
«Рифма, звучная подруга...»	34
Вторая пауза	47
«Опишите мне, пожалуйста, розу стихами»	56
«Мой первый слог сидит в чалме...»	57
Третья пауза	71
Рекомендуемая литература	75
	79

Любовь Михайловна Малышева

ИГРА СЛОВОМ

Старший научный редактор О. Г. Свердлова

Младший редактор Е. С. Волкова

Художник В. А. Провалов

Художественный редактор Т. С. Егорова

Технический редактор С. А. Птицына

Корректор И. В. Сорокина

ИБ № 7211

Сдано в набор 11.04.85. Подписано к печати 30.05.85. А04799.
Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 3. Гарнитура боргед
древний. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,50. Усл. кр.-отт. 3,85.
Уч.-изд. л. 4,07. Тираж 535250 экз. Заказ 3151. Цена 15 коп. Изда-
тельство «Знание». 101835, ГСП, Москва. Центр. проезд Серова,
д. 4. Индекс заказа 852107.
Типография издательства «Советская Сибирь». 630048. Новоси-
бирск, Немировича-Данченко, 104.

15 коп.

3
4
9
18
31
34
47
56
57

